

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга — результат коллективного исследования, выполненного в Санкт-Петербургском филиале Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. Представляя собой серию очерков, объединенных общим подходом, эта работа ни в коей мере не претендует на исчерпывающее освещение истории развития биологии в России XIX — начала XX вв. Главная цель, которую ставили перед собой авторы, состояла в том, чтобы показать некоторые особенности становления в нашей стране сообщества специалистов в области наук о жизни в период, когда научная деятельность стала профессией, а на смену естественной истории и натурфилософии пришли современные биологические дисциплины со своими исследовательскими центрами, университетскими кафедрами, научными обществами и журналами.

Как видно уже из этого определения, «научное сообщество» — одно из ключевых понятий, определивших замысел монографии. Этот термин вошел в язык российских историков науки сравнительно недавно и потому воспринимается порой лишь как дань моде или некий внешний прием, призванный придать видимость новизны хорошо известному материалу. Между тем, когда это понятие действительно используется по существу, за ним стоит очень важная мысль о коллективной природе научного творчества, не сводимого к вкладу отдельных, пусть и чрезвычайно талантливых ученых. Авторы этой книги прежде всего стремились показать складывавшуюся и видоизменявшуюся на протяжении XIX в. систему взаимоотношений между людьми, в той или иной мере посвятивших свою жизнь познанию живой природы. Эта система отношений, сеть контактов, объединявшая отдельных ученых в научное сообщество, обеспечивала обмен публикациями и научными коллекциями, открывала доступ к местам производства нового знания — в музеи, лаборатории, опытные станции. Она же позволяла выносить новые идеи на суд коллег, переводя тем самым эти идеи из разряда гипотез в категорию признанных открытий.

Безусловно, взаимоотношения между российскими натуралистами XIX в. не были равноправными — всегда и везде одни члены научного сообщества считаются более знающими, компетентными, чем другие. В этом смысле любое научное сообщество можно уподобить концентрическим кругам: в самом центре небольшая группа лидеров, дальше от центра — люди, чья роль в производстве нового научного знания гораздо более скромна. В этом исследовании, однако, авторов интересовал не столько вопрос о механизмах выстраивания внутренней иерархии сообщества российских естествоиспытателей XIX в., сколько вопрос о внешней границе этого сообщества, отделяющей его от остальной публики. Эта граница, как показано в данной работе, не является неизменным, раз и навсегда четко установленным барьером: понятия исследователя-любителя, популяризации науки среди широкой публики возникают лишь в середине — второй половине XIX в. параллельно с превращением научной деятельности в профессию и появлением новых форм организации научной деятельности. В более раннюю эпоху использование даже таких базовых категорий, как «ученый», «научное исследование», оказывается порой достаточно проблематичным.

Особенно остро вопрос о границах научного сообщества встает, когда мы выходим за рамки чисто «университетской» или «академической» науки — научных изысканий, выполнявшихся в стенах российских университетов или Императорской академии наук. Именно хорошо распознаваемая институциональная принадлежность человека к «ученому сословию» служила и служит историкам науки своеобразным маркером, позволяющим ретроспективно зачислять то или иное лицо в состав научного сообщества прошлого. Нельзя забывать, однако, что изучением живой природы занимались на протяжении XIX в. отнюдь не только в университетах и академиях — существовало множество других сфер, которым до сих пор в истории отечественного естествознания почти не уделялось внимания.

Одной из таких сфер, оказавшейся в центре внимания авторов этой книги, стала сфера государственной администрации и местного самоуправления. Практические потребности управления территорией страны и эксплуатации ее природных ресурсов стимулировали органы власти собирать информацию об этих ресурсах, заставляли местное и центральное руководство задумываться о причинах различных угрожающих человеку природных явлений и изыскивать средства их предотвращения. Естественно, описание и осмысление

этих явлений и ресурсов менялось в течение XIX в. — однако уже в самом начале этого периода органы власти испытывали потребность в специальных, «ученых» познаниях в соответствующих областях и обращались к их носителям. В монографии подробно раскрывается роль ученых-натуралистов как экспертов правительства и местной администрации в России XIX — начала XX вв.

Другой особенностью настоящей монографии стало внимание, уделяемое ее авторами практикам научного исследования. Введение этого понятия в исследовательский арсенал позволяет уйти от представления о науке лишь как о совокупности сформулированных отдельными учеными теоретических положений, обратившись к изучению всего спектра занятий, связанных с созданием нового научного знания. К таким видам деятельности относятся наблюдения над теми или иными природными явлениями, сбор коллекций и образцов, разработка и постановка экспериментов, обработка и интерпретация материалов, ознакомление коллег и широкой публики с результатами исследований, верификация (подтверждение) последних другими исследователями. Упомянутая выше граница между научным сообществом и широкой публикой во многом определяется именно степенью овладения характерными для того или иного научного сообщества исследовательскими практиками. Поскольку исследовательские практики становятся предметом рефлексии самих ученых лишь в тех случаях, когда происходит их смена, историки науки до последних десятилетий не обращались специально к их изучению, что существенно обедняло наши представления о развитии наук о жизни.

В серии очерков, вошедших в состав этой книги, представлена широкая панорама исследований, проводившихся в нашей стране в XIX — начале XX вв. в таких областях, как научное лесоводство, прикладная энтомология, геоботаника, почвоведение, микробиология. Весьма показательно, однако, что все рассмотренные здесь примеры конкретных исследований не вписываются в тесные рамки истории какой-то одной из перечисленных дисциплин, затрагивая сразу многие другие направления в науках о земле и жизни. Все эти примеры, заимствованные из XIX — начала XX вв., показывают также неразрывную связь теоретических, или фундаментальных, и прикладных исследований в этот период. Этим опровергаются популярные сегодня среди администраторов науки представления о том, что междисциплинарность и ориентация на запросы «реальной жизни» будто бы присущи лишь науке XXI в.

Появление этой книги стало возможным благодаря нескольким годам совместной работы авторов в Санкт-Петербургском филиале Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. Именно здесь, в секторе истории эволюционной биологии и экологии, впервые возникла идея систематически исследовать историю становления прикладной биологии в России — формирования научного сообщества, институциональной инфраструктуры исследований, изменения исследовательских практик в контексте меняющихся подходов государства и местного общества к познанию и эксплуатации природных ресурсов России. Приятный долг авторов — поблагодарить весь коллектив филиала за поддержку и конструктивные замечания. Невозможно переоценить и роль директора СПбФ ИИЕТ РАН Э. И. Колчинского, давшего «зеленый свет» этому проекту. Среди наших коллег по филиалу нужно также отметить Н. Г. Сухову, В. Г. Смирнова, А. В. Полевого, Т. И. Юсупову и Д. Н. Копелева, чей неподдельный интерес и дружеская критика немало способствовали нашему продвижению вперед. На разных стадиях работы мы не раз обсуждали наше исследование с коллегами из других научных учреждений как в России, так и за рубежом. Мы признательны О. Ю. Елиной, А. В. Куприянову, В. И. Василевичу, М. Ю. Пукинской, О. В. Галаниной, Г. А. Исаченко, Д. Муну и Дж. Олдфилду, щедро делившимися с нами своими откликами и соображениями. Наконец, нельзя не упомянуть Ю. А. Лайус, чей давний интерес к истории изучения биологических ресурсов в России, истории взаимодействия государственной власти, ученых и носителей местного знания, во многом определил и направление наших исследований.

Безусловно, никто из наших коллег не несет ответственности за те недостатки, возможные ошибки и неточности, которые читатель найдет в этой работе. Авторы надеются, что книга будет интересна не только историкам биологии, но и более широкому кругу читателей.

Изучение климатической и гидрологической роли леса в России: взаимодействие науки и государственной политики во второй четверти XIX в.

М. В. Лоскутова

В 1841 г. в четвертом томе «*Beiträge zur Kenntnis des Russischen Reiches*» был опубликован отчет академика Императорской академии наук (ИАН) П. И. Кёппена «*Über den Wald- und Wasser-Vorrath im Gebiete der obern und mittlern Wolga*» («О запасах лесов и вод в области Верхней и Средней Волги»), составленный по итогам его поездки в губернии Верхнего Поволжья летом 1840 г. Отчет предваряла статья другого действительного члена ИАН и редактора этого издания К. Э. фон Бэра. Ее автор высказывал общие соображения по вопросу, в поисках ответа на который П. И. Кёппен и отправился в путешествие: может ли истребление лесов человеком повлиять на климат и уровень воды в реках и, в частности, вызвать обмеление Волги в ее верхнем течении. В сокращенном виде содержание этих статей было с небольшим отставанием по времени пересказано на русском языке в «Журнале Министерства государственных имуществ»¹. Эти публикации считают одними из первых работ в Российской империи, посвященных гидрологической и климатической роли леса².

---

¹ *Koepfen P.* Ueber den Wald- und Wasser Vorrath im Gebiete der obern und mittlern Wolga. Ein Bericht an die Commission zur Untersuchung der Frage ueber den Einfluss der Verminderung der Waelder auf die Verminderung des Wassers in der obern Wolga // *Beitraege zur Kenntnis des Russischen Reiches*. 1841. Bd. 4. S. 199–253; [*Baer K.*] Vorwort des Herausgebers // *Ibid.* S. 165–198; О количестве вод и лесов в системе Верхней и Средней Волги // ЖМГИ. 1842. Т. 4. Кн. 1. С. 158–160 2-й паг.; О влиянии истребления лесов на обмеление рек // ЖМГИ. 1844. Т. 13. Кн. 10–11. С. 231–251 2-й паг.

² *Федосеев И. А.* К истории дискуссии о гидрологической и климатической роли леса // Третья науч. конф. аспирантов и младших научных сотрудников. Сб. докладов. М., 1957. С. 94–110.

История изучения вопроса о влиянии истребления лесов на обмеление Волги особой комиссией ИАН, в состав которой входили К. Э. фон Бэр и П. И. Кёппен, уже бегло освещалась в литературе³. Однако, как это не так уж редко бывает в историографии, исследователи лишь воспроизводят версию событий, оставленную «победившей стороной», — в нашем случае, теми их участниками, чьи действия и взгляды совпали с позицией Министерства государственных имуществ (МГИ) — ведомства, в чье ведение в конце 1830-х гг. отошли лесное хозяйство и, соответственно, связанные с ним прикладные исследования. Как показывают изученные нами источники, ученое путешествие П. И. Кёппена на самом деле не было первым, предпринятым в поисках ответа на вопрос о возможном влиянии истребления лесов на уровень воды в Верхней Волге и ее притоках. Этой поездке предшествовала другая экспедиция, совместно организованная Министерством финансов, Обществом для поощрения лесного хозяйства, Главным управлением путей сообщения (ГУПС) и Министерством внутренних дел (МВД) летом 1837 г. Ее участники нашли леса по Волге от Осташкова до Нижнего Новгорода в значительной степени истребленными, что, по их мнению, однозначно привело к обмелению Волги. Напротив, академическая комиссия, хотя и признала безусловно вредным бессмысленное истребление леса, тем не менее полагала, что его вырубка в этом регионе не достигла таких масштабов, чтобы серьезно сказаться на глубине рек. В целом же члены академической комиссии находили, что зависимость между лесами и климатом еще плохо изучена и потому требуют многолетние наблюдения, а не скоропалительные выводы.

Чем же были вызваны расхождения в экспертных оценках? Ответ на этот вопрос, как нам кажется, представляет некоторый интерес, поскольку он напрямую связан с проблемами более общего характера. Что представляла собой лесохозяйственная наука в Российской империи в этот период? Каковы были ее институциональные рамки? Как она была связана с интересами государственного аппарата в центре и на местах, с политикой в области лесного хозяйства, проводимой различными ведомствами? Каково было концептуальное содержание «лесной науки» в Российской империи

---

³ Федосеев И.А. Указ. соч. С. 96–97; Сухова Н.Г., Красникова О.А. К биографии П.И. Кёппена (1793–1864 гг.) // Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 31–61, см. особенно с. 37–38; Летопись Российской академии наук. Т. II. 1803–1830 / Отв. ред. М.Ф. Хартанович. СПб.: Наука, 2002. С. 280, 294, 296, 300, 302.

того времени? На какие ведущие мировые центры она ориентировалась, откуда происходил перенос научного знания и практик? Как преломлялись научные и общественно-политические дискуссии по вопросам лесного хозяйства с переносом их из одного национально-культурного контекста в другой?

Конечно, история двух экспедиций конца 1830-х — начала 1840-х гг. в Верхнее Поволжье не может дать исчерпывающий ответ на все поставленные вопросы, но она, как нам кажется, предоставляет интересный материал, чтобы двинуться в этом направлении.

Министерство финансов и Общество для поощрения лесного хозяйства в 1836–1837 гг.

Все известные нам источники сходятся на том, что эта история началась в 1836 г., когда тверской гражданский губернатор граф А. П. Толстой обратился в ГУПС. В своем письме он выражал обеспокоенность заметным обмелением Волги и задавал вопрос: не может ли оно быть связано с интенсивной вырубкой леса по берегам рек. В ГУПС — ведомстве, отвечавшем за состояние водных путей, которое возглавлял тогда барон К. Ф. Толь, серьезно отнеслись к полученному запросу и незамедлительно вступили в переписку с Министерством финансов, в чьем ведении в тот момент находилась большая часть лесного хозяйства империи, а также с первым вице-президентом Общества для поощрения лесного хозяйства бароном А. К. Мейендорфом⁴.

Привлечение к обсуждению вопроса, помимо двух заинтересованных ведомств, неправительственной организации требует пояснений. Общество для поощрения лесного хозяйства было учреждено в 1832 г. в Петербурге по инициативе министра финансов Е. Ф. Канкрин под эгидой этого ведомства. По замыслу Е. Ф. Канкрин, общество должно было содействовать проведению политики его министерства в тех вопросах, где недоставало рычагов прямого административного воздействия — оно учреждалось «для поощрения частных владельцев к бережливому сохранению лесов и распространению познаний о правильном лесоводстве»⁵. Предполагалось также,

---

⁴ См.: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 91. Оп. 2. Д. 881. Л. 1–1 об., 3–4, 13 об., 16 об.

⁵ Статуты общества // Лесной журнал. 1833. Ч. 1. Кн. 1. С. 1–9; см. также: Рыбалкин А. И. Образовательно-просветительская деятельность Лесного общества России в XIX в. // Вестн. Воронеж. гос. аграр. ун-та. 2010. № 4 (27). С. 165–170.

что через своих корреспондентов общество станет дополнительным каналом, помимо казенных палат, для получения министерством информации с мест о состоянии лесов. Первые девять членов общества были названы Е. Ф. Канкриным в его ходатайстве перед Николаем I о получении Высочайшего соизволения на учреждение общества. Когда таковое было получено и устав общества утвержден императором 25 февраля 1832 г., на первых двух собраниях были избраны еще семнадцать членов. Из этих двадцати шести человек не менее десяти состояли на службе в Министерстве финансов, кроме того, в Общество вошли два представителя Департамента корабельных лесов Морского министерства, директор Императорского ботанического сада в Петербурге и его помощник⁶. Бюджет общества формировался в первую очередь за счет средств, отпускаявшихся на него Министерством финансов. Не последнюю роль играли и пожертвования его членов — многие из них, подобно первому президенту общества сенатору П. И. Полетике⁷, графу А. Г. Кушелеву-Безбородко, князю М. А. Дондукову-Корсакову, князю С. И. Гагарину, принадлежали к аристократическим кругам и занимали высокие посты в государственном аппарате⁸. Таким образом, Общество для поощрения лесного хозяйства представляло собой особую полугосударственную-полуобщественную структуру, по своим задачам дополнявшую Ученый комитет по лесной части Министерства финансов, и привлечение его к обсуждению вопроса о возможном влиянии истребления лесов на обмеление Верхней Волги представляется вполне закономерным. Возможно, что к этому шагу подталкивал Е. Ф. Канкрин и первый вице-президент Общества барон А. К. Мейендорф, оставивший этот пост несколькими годами ранее в связи с отъездом в Париж, где он представлял интересы российского Министерства финансов. Как будет показано ниже, А. К. Мейендорфа весьма занимал вопрос о связи между уничтожением лесов, уровнем воды в ре-

---

⁶ Отчет общества для поощрения лесного хозяйства от 25 февраля 1832 г. до 25 февраля 1833 г. // Лесной журнал. 1833. Ч. 1. Кн. 1. С. 12–46; см. особенно с. 12–15.

⁷ П. А. Полетика, по-видимому, входил в круг достаточно близких Е. Ф. Канкрину людей. Так, в 1845 г. П. А. Полетика присутствовал при вскрытии духовного завещания Е. Ф. Канкрин в числе очень немногих лиц, не принадлежавших к членам семьи покойного. См.: *Божерянов И. Н.* Граф Егор Францевич Канкрин, его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления Министерством финансов. СПб.: Изд. гр. И. В. Канкрин, 1897. С. 240.

⁸ Там же. С. 40–41.

ках и климатом вообще, тем более что эта проблема как раз активно обсуждалась во Франции.

Влияние дискуссий во Франции

При «старом порядке» Франция, как известно, отличалась от большинства европейских стран очень жестким контролем лесного хозяйства страны со стороны государства⁹. Однако в годы революции он был полностью государством утрачен, что привело к заметному сокращению площади лесов. Гибель лесов вследствие вырубки или неконтролируемого выпаса скота не осталась незамеченной, и уже с начала XIX в. во Франции получили широкое хождение теории о том, что исчезновение лесов пагубно сказывается на климате и гидрологии страны, вызывая наводнения или, наоборот, пересыхание рек и общее похолодание. Лесоразведение, соответственно, многим казалось универсальным средством предотвращения природных катаклизмов.

Никаких серьезных наблюдационных данных для стран умеренного климата в подтверждение подобных воззрений в то время, разумеется, не существовало. Однако во второй половине XVIII в. во Франции, равно как и Великобритании, бывшей ее главной соперницей в колониальных завоеваниях, в научных кругах и среди колониальной администрации уже созрело убеждение в том, что истребление тропических лесов на островах Карибского моря и Индийского океана вызывает там пересыхание источников, эрозию почв и сокращение осадков. Первые теории, в которых связывались между собой осадки, гидрологический цикл и растительность тропиков, появились еще в конце XVI — начале XVII вв., а в 1726 г. в Кембридже Стивен Гейлс в своей книге «*Vegetable staticks*» («Статика растений») попытался оценить, какое количество воды испаряют растения. Эта книга вскоре была переведена на французский язык Ж. Л. Бюффоном и привлекла внимание крупного французского метеоролога и садовода Дюамеля дю Монсо (Duhamel du Monceau H. L.), в 1760 г. опубликовавшего популярный трактат по садоводству «*Des semis et plantations des arbres et de leur culture*» («Семена и посадки деревьев и их культивирование»), в котором

---

⁹ *Mukerji Ch.* The Great forestry survey of 1669–1691: the use of archives for political reform // *Social studies of science*. 2007. Vol. 37. N. 2. P. 227–253; *Rajan S.* Modernizing nature: forestry and imperial eco-development. Oxford: Clarendon press, 2006. P. 44–49.

развивалась мысль о связи между растительностью и климатом¹⁰. В самом начале XIX в. выдающийся немецкий натуралист А. Гумбольдт, путешествуя по Южной Америке, объяснял понижение уровня воды в одном из горных озер Венесуэлы начавшимся в последние десятилетия предыдущего столетия истреблением лесов по его берегам. Об этом он рассказал в своих записках «*Voyage aux régions équinoxiales du Nouveau Continent fait en 1799, 1800, 1801, 1802, 1803 et 1804...*» («Путешествие в равноденственные области Нового Света в 1799–1804 гг.», 1814–1825¹¹). Несколько позднее Ж. Б. Ламарк подкрепил эти теории своим авторитетом, уверенно заявив в «Аналитической системе позитивного знания человека» («*Système analytique des connaissances de l'homme*», 1820), что истребление крупных растений ведет к истощению почвы и пересыханию водных источников¹².

Заметное сокращение площади лесов в годы революции и наполеоновских войн в самой Франции, вызванное отменой жесткого государственного контроля над лесным хозяйством, привело к тому, что все эти теории, ранее циркулировавшие в колониальном контексте, стали относить и к метрополии, хотя до единства мнений относительно воздействия леса в странах умеренного, а не тропического климата было далеко. Тем не менее подобные идеи во Франции оказались востребованы в политике как идеологическое оружие в борьбе за пересмотр законодательства революционной и наполеоновской эпох в духе возвращения к «старому порядку». Когда в 1821 г. к власти в стране пришли ультрароялисты, в тот же год МВД Франции разослало на места циркуляр, обязавший глав департаментов сообщать в Академию наук в Париже все сведения об изменении площади лесов на вверенной им территории за последние тридцать лет, об их владельцах, а также обо всех природных катаклизмах, которые могли быть связаны с истреблением лесов, — обмелении рек, паводках, сильных бурях, похолодании и понижении границы ледников в горах. Этот циркуляр, равно как

¹⁰ *Grove R.H.* A historical review of the early institutional and conservationist responses to fears of artificially induced global climate change: the deforestation-desiccation discourse, 1500–1860 // *Chemosphere*. 1994. Vol. 29. N. 5. P. 1001–1013.

¹¹ См. подробнее: *Weigl E.* Wald und Klima. Ein Mythos aus dem 19. Jahrhundert / Humboldt im Netz. Internationale Zeitschrift für Humboldt-Studien. 2004. Bd. 9. S. 4–9.

¹² *Andreassian V.* Waters and forests: from historical controversy to scientific debate // *Journal of hydrology*. 2004. N. 291. P. 1–27.

и поступившие на него ответы глав департаментов, стали известны широкой публике благодаря журналу «Annales Européennes de Physique Végétale et d'Economie Publique» («Европейские анналы физики растений и общественной экономики»), который с того же 1821 г. издавал один из самых активных пропагандистов теории влияния истребления лесов на изменение климата и гидрологии Франсуа Рауш (François Rauch). Его точку зрения, однако, разделяли далеко не все главы департаментов, и потому их отчеты содержали достаточно противоречивую информацию, к тому же не подкрепленную никакими серьезными количественными данными и систематическими наблюдениями. Французская академия наук, однако, не пожелала втягиваться в обсуждение крайне политизированного в тот момент вопроса о влиянии истребления лесов на климат и гидрологию, сославшись в своем заседании в феврале 1824 г. на отсутствие убедительных доказательств, подтверждающих возможную связь между этими явлениями¹³.

В 1820-е гг., в условиях крайне консервативного политического режима, государство во Франции вернуло себе утраченный им в годы революции контроль над лесами страны, что выразилось, в частности, в создании Лесной школы в Нанси (1824), ставшей одним из основных идейных центров для развития теорий о связи между истреблением лесов и изменением климата, а также в принятии нового Лесного кодекса (1827)¹⁴.

Однако в годы Июльской монархии (1830–1848) пришедшее к власти либеральное правительство было готово пойти навстречу требованиям частных владельцев пересмотреть Лесной кодекс и, в частности, восстановить право выпаса скота и вырубки лесов вдоль водных путей без предварительного согласования в местных органах административного управления. В 1836 г., т.е. как раз когда в России вопрос о возможной связи между обмелением Верхней Волги и истреблением лесов был возбужден тверским губернатором, в Палате депутатов французского Парламента дебатировались предлагаемые законодательные поправки. В те же годы французское правительство рассматривало масштабные проекты восстановления истребленных лесов в Альпах с целью остановить

¹³ Andreassian V. Op. cit.; Fressoz J.B., Locher F. Le climat fragile de la modernité // La vie des idées. 2010. 20 avril. www.laviedesidees.fr

¹⁴ Grove R. H. Op. cit.; Simon L., Clement V., Pech P. Forestry disputes in provincial France during the nineteenth century: the case of the Montagne de Lure // Journal of historical geography. 2007. N. 33. P. 335–351.

пагубные изменения климата и повысить уровень воды в реках и каналах юга Франции¹⁵. С публичной поддержкой этих проектов по насаждению лесов в горах выступали экономист Огюст Бланки, историк Жюль Мишле и такие известные ученые-естествоиспытатели, как Александр Гумбольдт и Франсуа Араго¹⁶. Араго принимал непосредственное участие в парламентских слушаниях по вопросу изменения лесного законодательства, где даже вступил в открытую полемику с другим крупным ученым-физиком и химиком того времени Жозефом Луи Гей-Люссаком. Последний не разделял убежденности Араго и призывал не спешить с выводами. С его точки зрения, наука не только не располагала систематическими наблюдениями, но сам ее уровень развития еще не позволял решить поставленную задачу о влиянии лесов на климат¹⁷. В связи с парламентскими дебатами в том же 1836 г. Министерство финансов Франции снова обратилось в Парижскую академию наук с запросом о том, существуют ли данные по изменению глубины снежного покрова, количества осадков, преобладающего направления ветров и уровня воды в реках, которые можно было бы связать с истреблением лесов в горных районах страны. Этот запрос не ускользнул от внимания генерал-губернатора Харьковской, Полтавской и Черниговской губерний графа А. Г. Строганова, сообщившего о нем в Общество по поощрению лесного хозяйства¹⁸.

Экспедиция 1837 г. в Верхнее Поволжье

Бывший вице-президент Общества для поощрения лесного хозяйства, ставший к 1837 г. агентом Министерства финансов в Париже, А. К. Мейендорф также внимательно отслеживал публикации, выходявшие по этому вопросу во Франции, и присылал Е. Ф. Канкрину французские газеты, книги, брошюры и свои выписки¹⁹.

Сложно сказать, насколько А. К. Мейендорф, равно как и его корреспонденты в России, ориентировались в идейно-политическом контексте французских споров о влиянии лесов на климат — или же их занимала лишь научная сторона проблемы. Политическая подоплека дебатов во Франции если ими и осознавалась, то не

---

¹⁵ *Simon et al.* Op. cit.; *Andreassian V.* Op. cit.

¹⁶ *Simon et al.* Op. cit.; *Fressoz J. B., Locher F.* Op. cit.

¹⁷ *Andreassian V.* Op. cit.

¹⁸ РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 881. Л. 62, 63, 65–65 об.

¹⁹ Там же. Л. 13 об. – 14 об., 37–39, 50–50 об., 53–58, 64.

фиксирувалась в переписке, хотя в принципе консервативная, антибуржуазная составляющая программы французских «защитников лесов» должна была импонировать тому кругу высшей бюрократии Российской империи, которому адресовался А. К. Мейендорф. Во всяком случае, сам он был твердо убежден в том, что уничтожение лесов вызывает обмеление рек, которое, как ему казалось, уже было заметно во многих областях России. Поэтому в своих письмах он настаивал на введении в России законодательных ограничений, по образцу французского Лесного кодекса, на вырубку леса частными владельцами хотя бы на водоразделе крупнейших рек европейской части страны: «Вся Россия, естественно, не может быть подчинена одинаковому лесному заведыванию в этом отношении; но пора, кажется, и даже необходимо подвергнуть оному местности важнейшие, а именно: возвышенную полосу, простирающуюся от Вышнего Волочка и Осташкова через Белый и Ельню (в Смоленской губернии) между Тулою и Орлом к Тамбову и оканчивающуюся между Пензою и Симбирском»²⁰. С целью подготовки к введению таких законодательных ограничений А. К. Мейендорф и предлагал Е. Ф. Канкрину «исследовать на 100 верст во всех направлениях от речных истоков, на помянутой возвышенной полосе находящихся, положение лесов; сравнить настоящее их положение с прошедшим (примерно за 50 лет перед сим); вычислить количество истребленного леса и вообще собрать по сему предмету все местные факты», для чего организовать «статистическое путешествие посредством Общества для поощрения лесного хозяйства, совокупно с Лесным управлением»²¹.

Судя по всему, и Е. Ф. Канкрин, и К. Ф. Толь разделяли убеждение А. К. Мейендорфа в том, что вырубка лесов по берегам Волги действительно может вызвать ее обмеление. Е. Ф. Канкрин был не лишен интереса к наукам, более того — он был одним из тех, кто способствовал поездке А. Гумбольдта в Россию в 1829 г. и состоял с ним в длительной переписке, в которой, среди других вопросов, поднималась и проблема истощения лесных богатств²². Е. Ф. Канкрину традиционно приписывается авторство статьи «О климатических различиях России, в связи с местными обстоятельствами, по видам сельского хозяйства», опубликованной отдельным приложением к первому номеру «Земледельческой

²⁰ Там же. Л. 15 об.

²¹ Там же. Л. 16.

²² *Божерянов И. Н.* Указ. соч. С. 149–152.

газеты», которую в 1834 г. стало издавать Министерство финансов²³. В этой публикации леса однозначно признавались фактором, оказывающим большое влияние на местный климат. Более того, здесь прямо проводилась мысль о том, что в средней полосе России леса «...к прискорбию, очевидно уменьшаются, особливо в общем объеме, за исключением тех мест, из коих доставление леса в отдаленные места неудобно. Обстоятельство сие грозит тем вящим бедствием, что многие места, более к югу лежащие, довольствуются сплавленным лесом из сей полосы. Поэтому улучшение лесного хозяйства у нас едва ли не нужнее самого усовершенствования земледелия, которое, впрочем, весьма может содействовать восстановлению лесов...»²⁴ Даже если эта программная статья и не была написана Е. Ф. Канкриным собственноручно, ее публикация, несомненно, была санкционирована министром финансов, а содержащиеся в ней положения совпадали с его собственными взглядами.

Два года спустя, когда в заинтересованных ведомствах стал обсуждаться проект отправки экспедиции в Верхнее Поволжье с целью подготовки к введению законодательных ограничений на рубку леса в этом регионе, ГУПС, кажется, полностью разделяло эту идею²⁵. Е. Ф. Канкрин был настроен более осторожно — он или сомневался в возможности добиться соответствующих изменений законодательства, или вообще не был их сторонником. Но саму мысль об экспедиции он поддержал:

...польза, которой должно ожидать от такого путешествия для науки, очевидна. [...] Косвенно же оно принесет существенную пользу и для законодательной власти, ибо послужит к приведению в известность уже убедительных, неоспо-

²³ См., например: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 278. Эту атрибуцию, однако, оспаривала известный специалист по истории географии и статистики в России второй четверти XIX в. Б. А. Вальская, доказывавшая, что статья на самом деле была написана сотрудниками редакции «Земледельческой газеты» (см.: *Вальская Б. А.* Земледельческая газета и земледельческая география в России в 30-х гг. XIX века // Изв. РГО. 1993. Т. 125. Вып. 5. С. 41–47). Тем не менее можно сослаться на П. И. Кёппена, однозначно утверждавшего, что автором статьи был сам министр финансов (РГИА. Ф. 398. Оп. 2. Д. 181а. Л. 1 об.).

²⁴ О климатических различиях России, в связи с местными обстоятельствами, по видам сельского хозяйства // *Земледельческая газета*. 1834. Прибавление к № 1. С. 1–11. Цитата заимствована со с. 5.

²⁵ РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 881. Л. 4–9.

римых причин, основанных на местных доводах, и к точному вычислению меры убыли вод по мере истребления лесов, тогда как всякое начинание к устранению какого-либо зла должно основываться на совершенно знании причин оногo. От разведения лесов там, где они истреблены, можно ожидать успеха лишь через многие десятилетия или столетия, и то не везде: посредством же предполагаемого путешествия могут открыться другие легчайшие средства, по крайней мере к предохранению некоторых истоков от совершенной засухи и к удержанию их в настоящем состоянии²⁶.

Иными словами, цели экспедиции, в понимании Е. Ф. Канкринa, были скорее «воспитательного» свойства: она должна была привлечь внимание правящих кругов и образованного русского общества к не самому цветущему состоянию лесного хозяйства, но, возможно, также и дать какие-то полезные практические рекомендации по его исправлению.

Итак, к началу лета 1836 г. Министерство финансов, ГУПС и Общество для поощрения лесного хозяйства согласились с необходимостью провести обследование состояния лесов и вод в губерниях Верхнего Поволжья. Разработать программу ученого путешествия Общество поручило своему члену — помощнику директора Императорского ботанического сада Карлу Мейеру, уже снискавшему известность в ученом мире своими экспедициями в Крым, на Алтай, в Киргизскую степь, на Кавказ и по побережью Каспийского моря до границы с Ираном²⁷. 30 июля 1836 г., по представлению Е. Ф. Канкринa, было получено Высочайшее соизволение на подготовку экспедиции и на публикацию статей по этой теме в правительственных и частных изданиях — в «Журнале МВД», «Журнале ведомства путей сообщения», «Земледельческой газете», выпускаемой Министерством финансов, «Лесном журнале» — печатном органе Общества для поощрения лесного хозяйства, в академических «Санкт-петербургских ведомостях», а также в «Северной пчеле»²⁸.

²⁶ Там же. Л. 19 об. — 20 об.

²⁷ Там же. Л. 21 об., 23–23 об., 25–25 об. О Мейере см.: *Сытин А. К.* Мейер Карл Андреевич // Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Э. И. Колчинский. СПб.: Нестор-История, 2001. С. 299; *Сытин А. К.* Штатные и приватные ботаники николаевского времени // *Философский век. Альманах. Т. 6. Россия в николаевское время: наука, политика, просвещение.* СПб., 1998. С. 192–201.

²⁸ РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 881. Л. 27.

Не дожидаясь Высочайшего повеления, Министерство финансов и Общество для поощрения лесного хозяйства занялись подготовкой общественного мнения. Так, еще в 1836 г. «Земледельческая газета» опубликовала несколько редакционных статей, в которых доказывалось влияние леса на климат и гидрологию разных стран²⁹, а также письмо читателя — некоего «орловского помещика Т.». В этом письме, между прочим, о влиянии лесов на климат говорилось как о твердо установленном факте, и настойчиво проводилась мысль о необходимости решительного вмешательства правительства в порядок эксплуатации частновладельческих лесов³⁰. Наконец, еще в сентябре 1836 г. та же газета информировала читателей о создании комиссии «для местного обзора истоков двух знатнейших по водному сообщению рек наших, Волги и Западной Двины», и намекала на возможность введения некоторых законодательных ограничений по вырубке лесов в этом регионе³¹. В январском выпуске «Лесного журнала» подробно сообщалось о прениях в Палате депутатов французского Парламента — в том числе приводились пространные выдержки из речи Араго³². В том же 1837 г. «Лесным журналом» были также опубликованы еще несколько статей по этому вопросу³³. В последней из них, вышедшей уже после получения Высочайшего соизволения на экспедицию в Верхнее Поволжье, читателям рассказывалось об этих планах, равно как и о том, что по итогам обследования правительство предполагало законодательно «ограничить истребление казенных и частных лесов на плоской возвышенности, составляющей полосу раздела вод» Волги и Западной Двины³⁴.

²⁹ Примеры влияния лесов на климат и плодородие // Земледельческая газета. 1836. 26 июня. № 51. С. 364–366; *Гильдеман [К.]* Краткое обозрение пользы лесов // Земледельческая газета. 1836. 30 окт. № 87. С. 689–698.

³⁰ Размышление о сохранении лесов // Земледельческая газета. 1836. 21 апр. № 32. С. 254–255.

³¹ Меры к предохранению рек от обмеления // Земледельческая газета. 1836. 8 сент. № 72. С. 569–570.

³² Законодательство по лесной части во Франции // Лесной журнал. 1837. Ч. 1. Кн. 1. С. 132–155.

³³ *Брейтенбах [Ф. Л.]* О влиянии лесов на температуру // Лесной журнал. 1837. Ч. 3. Кн. 1. С. 1–45; О влиянии лесов и истребления оных на климат // Лесной журнал. 1837. Ч. 1. Кн. 3. С. 427–442; О влиянии лесов на климат, реки и прозябение и вредных последствиях их истребления // Лесной журнал. 1837. Ч. 3. Кн. 3. С. 325–350.

³⁴ О влиянии лесов на климат, реки и прозябение... С. 346. На некоторые из этих публикаций уже обращалось внимание в работе И. А. Федосеева, а также в очень интересном недавнем исследовании Д. Муна (Moon D.

Предполагалось, что в экспедицию отправятся три человека — «сведущий по лесной части» член Общества, «знающий гражданские и полицейские установления и, елико можно, опытный в сельском хозяйстве» чиновник МВД, и представитель ГУПС³⁵. Министерство финансов, таким образом, как бы делегировало Обществу представлять свои интересы. К осени 1836 г. Общество подыскивало кандидата в участники путешествия. Впрочем, рекомендованного Обществом барона Александра Бодэ можно было лишь с большой натяжкой счесть знатоком в области лесоводства: он начинал свою карьеру в Смоленском драгунском полку, позднее служил смотрителем уездного училища в Пензе, затем переводчиком на Феодосийской таможне и, наконец, снискал некоторую известность как директор Крымского училища виноделия Министерства финансов в Судак³⁶. Однако по каким-то причинам Бодэ в «статистическое путешествие» так и не поехал. Вместо него был командирован старший лесничий Тверской губернии Ф. Ф. Вильдермет, ранее уже публиковавшийся в «Земледельческой газете» и «Лесном журнале». Возможно, что замена Бодэ на Вильдермета была связана с масштабной реорганизацией государственного аппарата, выразившейся в образовании в 1837 г. МГИ, в ведение которого, в частности, перешло из Министерства финансов управление казенными лесами. В участники экспедиции Вильдермет был назначен предписанием Временного совета — органом, созданным для управления выделенным из состава Министерства финансов Департаментом государственных имуществ. Вместе с ним осматривать леса и водные пути Верхнего Поволжья отправились подполковник корпуса путей сообщения А. О. Медведев и от МВД коллежский ассессор Н. И. Шильдкнехт³⁷.

The debate over climate change in the steppe region in nineteenth-century Russia // Russian review. 2010. Vol. 69 (April). P. 251–275; *Moon D.* The destruction of woodland in the steppe region, 1760–1914 // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 4. С. 51–65). Важно подчеркнуть, однако, что эти и некоторые другие статьи конца 1830-х гг. были не просто выражением «широко распространенного» в первую половину XIX в. представления о том, что климат России меняется в худшую сторону под воздействием человека, а частью развернутой Министерством финансов и Обществом для поощрения лесного хозяйства кампании по воздействию на общественное мнение.

³⁵ РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 881. Л. 26 об.

³⁶ Там же. Л. 42–45.

³⁷ Там же. Л. 68–69, 100–100 об.

В июле–августе 1837 г. трое участников экспедиции (или «комиссии») проделали по воде путь от Осташкова до Нижнего Новгорода, обследовав не только Волгу от ее истока у деревни Волгино Верховье, но и озера Селигер, Вселуг, Пено, Волго, Неро, а также реки Ваузу, Осугу, Цну, Тьму, Тьмаку, Тверцу, Шошу, Нерль, Медведицу, Сестру, Дубну, Мологу, Сить, Которосль, Кострому, Унжу и еще множество мелких притоков и водоемов³⁸. При осмотре выявлялось состояние водных путей и прибрежных лесов: по возможности выяснялась глубина рек и озер, фиксировалось появление мелей, случаи осыпания берегов, устанавливались владельческие права на лес, оценивалось его общее состояние и качество («строеной лес», «лес, годный на дрова и крестьянское строение»), отмечались преобладающие и ценные породы деревьев. Особенно тщательно регистрировалась вся хозяйственная деятельность по берегам рек, которая могла повлечь за собой их обмеление — мельницы, лесопилки, заколы для ловли рыбы, каменоломни. Кроме того, Вильдермет дотошно отмечал все встречавшиеся по пути следы вырубок и лесных пожаров. На этом основании он пытался делать выводы о том, какое пространство занимали в этом регионе леса в прошлом — документальных материалов, на основании которых можно было бы судить о прежних размерах лесов, участникам экспедиции в большинстве случаев получить от местной администрации так и не удалось.

В целом Вильдермет достаточно пессимистично оценивал состояние изученных им лесов, особенно частновладельческих:

Остатки пней свидетельствуют о существовании их (лесов. — *М.Л.*) в прежнее время, вместо которых теперь находятся теперь пашни, покосы или земли, брошенные в запустение, даже в приезд комиссии при деревне Угольница замечена была самовольная порубка крестьян той деревни, обращавших кустарник и жердовник под нивы»; «Что же касается до лесов, принадлежащих помещикам и другим владениям на означенном пространстве Тверской губернии, то они, за исключением некоторой части, вообще приведены в оскудение и многие совершенно истреблены [...] Вообще о прежнем изобильном существовании лесов противу настоящего времени, равно и до какой степени изобилие сие простиралось на описанных пространствах Тверской губернии,

---

³⁸ См. отчеты, представленные Вильдерметом в Общество для поощрения лесного хозяйства: там же. Л. 116–173.

сказать с достоверностью нельзя, ибо следы существования тех лесов исчезли. Но рассматривая оставшиеся в некоторых местах изгнившие пни и местоположение сохранившихся вблизи их лесных дач, несомненно предположить можно, что состояние лесов лет за 50 и 80 назад было лучшее и изобильнейшее противу нынешнего³⁹.

Прибыв в конце августа 1837 г. в Нижний Новгород, члены комиссии занялись приведением в порядок собранных материалов и составлением карты обследованных водных путей и лесов. Затем, уже в Петербурге, в октябре–декабре 1837 г. ими был составлен итоговый отчет, который на исходе года был представлен во Временный совет по управлению Департаментом государственных имуществ. В целом участники экспедиции были однозначно убеждены в том, что истребление лесов по берегам рек и озер приводит к обмелению водных путей. Однако никаких эмпирических данных в подтверждение этого тезиса собрать им так и не удалось: весна и лето выдались в 1837 г. дождливыми, и воды в реках, как назло, было много, что и фиксировали произведенные в пути замеры и опросы местных жителей. В качестве доказательства члены комиссии лишь ссылались на произведенные ими в разных местах «испытания почвы»:

...оказалось, что почва там, где лес истреблен, но где остались еще видимы пни, заключает в себе влажности гораздо менее и даже совсем высохла противу таких же мест, где никакой порубки еще не делано и где почва найдена не токмо более влажною, но даже более чистою и топкою...⁴⁰

Зато участниками экспедиции было сделано множество предложений по расчистке фарватера, укреплению берегов и строительству плотин на притоках Волги для создания искусственных резервуаров воды. Кроме того, комиссия настойчиво рекомендовала уничтожить все встретившиеся ей по пути каменоломни, мельницы и заводы для ловли рыбы. Она также настаивала на необходимости учредить в осмотренных губерниях военную лесную стражу, объявить казенные леса по берегам Волги и ее главных притоков заповедными или во всяком случае существенно ограничить отпуск леса крестьянам и, наконец, запретить всякую продажу леса в посторонние руки⁴¹.

---

³⁹ Там же. Л. 128, 151 об.–152.

⁴⁰ Там же. Л. 129.

⁴¹ Там же. Л. 126, 128, 143, 150 об., 162, 172 об.–173.

Рассмотрение вопроса в Ученом комитете МГИ, 1838 г.

Эти рекомендации, по-видимому, совершенно не совпадали с позицией руководства только что созданного МГИ, передавшего в январе 1838 г. отчет комиссии на рассмотрение Ученого комитета при этом ведомстве, который в этот период возглавлял генерал-лейтенант барон И. Ф. Деллингаузен — боевой офицер, участник войны 1812–1814 гг., русско-турецкой кампании 1828–1829 гг. и подавления польского восстания 1830–1831 гг.⁴² Ученый комитет, с одной стороны, списался с ГУПС, а с другой — направил отчет на заключение двух своих членов — князя В. Ф. Одоевского и действительного статского советника М. Г. Плисова⁴³.

Учившийся в свое время в Гейдельберге и Геттингене М. Г. Плисов в начале 1820-х гг. недолго читал в Петербургском университете курс политической экономии, однако вскоре был вынужден покинуть это учебное заведение и перешел на службу в Министерство финансов, где, в частности, состоял членом Ученого комитета по лесной части. Позднее он служил во II отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии. С образованием МГИ он вошел в состав его Ученого комитета, прослужив в нем до начала 1841 г.⁴⁴ М. Г. Плисов, возможно, обладал известными познаниями в области лесного хозяйства, но его взгляд неизбежно был взглядом экономиста, статистика и правоведа, а не натуралиста. Что же касается второго рецензента, то князь В. Ф. Одоевский, вошедший в состав Ученого комитета МГИ в феврале 1838 г. и прослуживший в нем до конца ноября 1861 г.⁴⁵, в наши дни, да при жизни, более всего известен как писатель, редактор литературно-публицистических журналов, философ и музыковед. При этом, однако, Одоевский отличался особым

---

⁴² См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1839 г. Ч. I. СПб.: Тип. ИАН, 1839. С. 755; Список высшим чинам центрального и местных управлений государственными имуществами 1837–1887 // Историческое обозрение 50-летней деятельности МГИ 1837–1887. Ч. 1. СПб., 1888. С. VIII.

⁴³ РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 881. Л. 85–86 об.

⁴⁴ См. о нем: *Давидович И.* Плисов, Моисей Гордеевич // Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Имп. Русского исторического общества А. А. Половцова. Т. 14 (Плавильщиков – Примо). СПб.: Имп. Рус. ист. о-во, 1905. С. 122–124; см. также: Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1838 г. Ч. I. СПб.: Тип. ИАН, 1838. С. 344; Месяцеслов... 1839 г. С. 766; Список высшим чинам... С. VIII–IX.

⁴⁵ Список высшим чинам... С. VIII–IX.

интересом к естественным и техническим дисциплинам: его философские эссе, утопии и антиутопии «Русские ночи», «Город без имени», «4338-й год» посвящены размышлениям о влиянии развития науки и техники на судьбы общества. В 1830-е гг. он брал уроки химии у академика ИАН Ж. А. Гесса, а несколько позднее, в 1844 г., опубликовал книгу «Гальванизм в техническом применении», содержащую популярный очерк изучения электродинамических явлений⁴⁶.

Однако, чтобы адекватно оценить выбор М. Г. Плисова и В. Ф. Одоевского в качестве рецензентов отчета комиссии 1837 г., следует знать, кому еще могла быть поручена эта задача. В 1838–1839 гг. в Ученом комитете МГИ, помимо кавалерийского офицера, участника подавления польского восстания 1830–1831 гг. барона Ф. К. фон Радена и «известного всему Петербургу прожектера и афериста Наркиза Ивановича Тарасенко-Атрешкова»⁴⁷, все же были люди, никак не менее компетентные в вопросах лесного хозяйства, нежели В. Ф. Одоевский или М. Г. Плисов. По-видимому, в состав Ученого комитета в эти годы входил профессор экономики, сельского хозяйства и технологии Дерптского университета Фридрих Шмальц — корреспондент Общества для поощрения лесного хозяйства, основатель сельскохозяйственной школы в поместье Алткустгоф (так называемого Алткустгофского института) под Дерптом, автор многочисленных работ по сельскому хозяйству, почвоведению и даже лесоводству, сотрудничавший в 1830-е гг. с «Земледельческой газетой»⁴⁸.

⁴⁶ *Виргинский В. С.* Владимир Федорович Одоевский. Естественнонаучные взгляды. 1804–1869. М.: Наука, 1975. 112 с.; Bayuk D. Literature, Music, and Science in Nineteenth Century Russian Culture: Prince Odoyevskiy's Quest for a Natural Enharmonic Scale // Science in context. 2002. Vol. 15. N 2. P. 183–207.

⁴⁷ Характеристика дана его сослуживцем по МГИ будущим непременным секретарем ИАН К. С. Веселовским (см.: Воспоминания К. С. Веселовского // Русская старина. 1903. Кн. 10. С. 5–42. См. особенно с. 17–18). Н. И. Тарасенко-Отрешков (или Атрешков) хорошо известен историкам литературы как близкий к III отделению Собственной Е. И. В. канцелярии журналист и издатель «Журнала общепользных сведений».

⁴⁸ В 1834 г. по поручению Е. Ф. Канкрин Ф. Шмальц осматривал южные губернии Европейской России на предмет общего состояния сельского хозяйства в этом регионе. Результаты его наблюдений публиковались в «Земледельческой газете». Среди предложений Ф. Шмальца выделяются его практические рекомендации по лесонасаждению в степной полосе как средства улучшения климата (см.: *Шмальц Ф.* Замечания о способах улучшения сельского хозяйства южной и юго-восточной России // Земледельческая газета. 1834. № 32. 19 окт. С. 249–255). Его статьи публиковались в «Земледельческой газете» и позднее. Имеющиеся данные, однако,

Наконец, в Ученый комитет МГИ в 1838–1841 гг. входил Александр Ильич Энегольм — человек, много лет прослуживший в Министерстве финансов, где к 1837 г. он был вторым лицом (т.е. вице-директором) Департамента государственных имуществ⁴⁹. В 1834 г. именно Энегольм сменил А. К. Мейендорфа в качестве вице-президента Общества для поощрения лесного хозяйства⁵⁰, а с конца 1837 г., когда П. И. Полетика ушел с поста президента, А. И. Энегольм фактически стал руководить обществом, подписывая всю исходящую корреспонденцию. Новый президент, принц П. Г. Ольденбургский, судя по сохранившимся документам, никак не вмешивался в обсуждение вопроса о влиянии лесов на обмеление Волги и вообще мало проявлял себя в деятельности общества в этот период. Оказавшись с передачей Департамента государственных имуществ в ведомстве П. Д. Киселева, А. И. Энегольм поначалу остался вице-директором I департамента, однако уже в 1839 г. он перешел с этой должности в состав совета министра государственных имуществ. В 1841 г. именно А. И. Энегольм по поручению П. И. Киселева разработал масштабный план работ МГИ по проведению картографического и статистического изучения лесных ресурсов Европейской России⁵¹. По этому плану в 1840-е гг. была составлена известная карта лесов Европейской России, а также большое количество лесных карт отдельных губерний и статистических описаний к ним. Эти работы, по словам А. Э. Каримова, знаменовали «начало нового этапа лесного кадастра в России, кардинальное реформирование его научно-технологической основы, формирование соответствующей организационной структуры: штатов, территориальных органов, системы статистической отчетности, административного документооборота»⁵². С точки зрения исследователя, специально занимавшегося историей лесного

противоречивы, и нельзя исключить, что в Ученом комитете МГИ в эти годы заседал не Фридрих Шмальц, а его сын Герман – впрочем, последний также преподавал в Дерптском университете сельское хозяйство. О Фридрихе Шмальце см.: *Reintam L., Rooma I., Kull A., Kõlli K. Soil Information and Its Application in Estonia // European Soil Bureau. Research report no. 9. P. 121–132.*

⁴⁹ Месяцослов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1836. Ч. 1. СПб.: Тип. ИАН, 1836. С. 663.

⁵⁰ Отчет Общества для поощрения лесного хозяйства с 25 февраля 1838 по 25 февраля 1839 г. // *Лесной журнал*. 1839. Ч. 3. Кн. 1. С. 128–132.

⁵¹ *Каримов А. Э. Докуда топор и соха ходили: очерки истории земельного и лесного кадастра в России XVI – начала XX века. М.: Наука, 2007. С. 135.*

⁵² *Каримов А. Э. Указ. соч. С. 138.*

кадастра XVIII–XIX вв., «анализ вклада А. И. Энегольма в реформирование лесного управления в России позволяет причислить его к числу выдающихся, образованных и широко мыслящих государственных деятелей того времени»⁵³. Тем не менее по каким-то пока неизвестным нам причинам А. И. Энегольм явно не прижился в ведомстве П. Д. Киселева: в конце мая — начале июня 1841 г. он выбыл сначала из совета министра государственных имуществ, а несколькими днями позже — из состава Ученого комитета МГИ⁵⁴.

Если бы руководство МГИ разделяло замыслы Е. Ф. Канкринна, К. Ф. Толя и А. К. Мейендорфа — изучить состояние лесов и водных путей в верхневолжских губерниях с тем, чтобы собрать материал для обоснования законодательных ограничений права частных владельцев вырубать лес, — то было бы вполне логично передать рекомендации участников экспедиции 1837 г. на заключение именно А. И. Энегольму, который, как станет ясно из дальнейшего, сочувствовал целям данного предприятия. Этого, как мы знаем, не произошло. Напротив, В. Ф. Одоевский и М. Г. Плисов представили Ученому комитету МГИ резко отрицательные отзывы на выводы комиссии 1837 г. Оба рецензента вполне справедливо отмечали, что комиссия с самого начала в своих действиях исходила из априорного убеждения в существовании связи между истреблением лесов и обмелением Волги. С точки зрения М. Г. Плисова, ...ее (комиссии. — *М.Л.*) разыскания об упадке воды ограничились удостоверением, что об этом никаких наблюдений сделано не было, и что в 1837 году остановок для судоходства от обмеления не случалось. Весьма естественно, что ее заключение о влиянии уменьшения лесов на уменьшение воды, как нечто должествующее быть известным и определенным, из этих двух данных неизвестных и неопределяемых, ни в каком случае выведено быть не могло, а потому... Комиссия вывела это заключение в виде аксиомы и основала его на одном доверии к мнению известных физиков и ученых⁵⁵.

Более того, как полагал В. Ф. Одоевский, наука того времени в принципе не располагала достаточными данными, чтобы можно

---

⁵³ Там же. С. 135.

⁵⁴ Список высшим чинам... С. IV–V, VIII–IX. Вице-президентом Общества для поощрения лесного хозяйства А. И. Энегольм оставался до самого конца самостоятельного существования этого общества, т. е. до 1845 г.

⁵⁵ РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 881. Л. 94–94 об.

было уверенно говорить о влиянии истребления лесов на изменение уровня вод. Для этого потребовались бы наблюдения, «которые имели бы предметом течение не одной какой-либо реки, но может быть весь земной шар»⁵⁶.

30 сентября 1838 г. вопрос был вынесен на обсуждение Ученого комитета МГИ. К тому времени с рекомендациями комиссии 1837 г. успели познакомиться не только М. Г. Плисов и В. Ф. Одоевский: стала известна и позиция другого заинтересованного ведомства — ГУПС, поддержавшего выводы участников экспедиции в той части, которая относилась собственно к водным путям (очистка фарватера Волги, укрепление берегов, строительство плотин на притоках для создания искусственных резервуаров, введение некоторых ограничений по строительству мельниц и устройству заколов для ловли рыбы). Поэтому все эти рекомендации не вызвали ни у рецензентов, ни у Ученого комитета МГИ никаких серьезных возражений. Что же касается выводов комиссии, связанных собственно с лесным хозяйством, то от практических мер в этой области М. Г. Плисов и В. Ф. Одоевский предлагали воздержаться до получения результатов дополнительных изысканий, которые предполагало провести ведомство путей сообщения. Наконец, теоретическую разработку вопроса «о влиянии вырубке лесов на понижение уровня вод вообще и Волги в особенности» В. Ф. Одоевский рекомендовал передать в Академию наук.

Позиция В. Ф. Одоевского и М. Г. Плисова вызвала при обсуждении в Ученом комитете возражения со стороны других его членов Ф. К. Радена и Шмальца, а также приглашенного к участию в совещании графа Платера. Возражал против выводов В. Ф. Одоевского и М. Г. Плисова и А. И. Энегольм, ссылавшийся на свои собственные наблюдения, сделанные во время поездок по губерниям. Тем не менее именно заключения рецензентов легли в основу решения Ученого комитета МГИ отказать от разработки практических мер по охране лесов по берегам Волги и ее притоков, а вместо этого обратиться к ИАН с предложением продолжить изучение вопроса⁵⁷.

Какое-то время А. И. Энегольм, кажется, еще надеялся, что руководство МГИ не поддержит мнение Ученого комитета. Однако пересмотра решения — если он его и добивался — не произошло. 21 ноября 1838 г. последовало Высочайшее повеление, смысл ко-

⁵⁶ Там же. Л. 89 об.

⁵⁷ Там же. Л. 82–97 об.

тогого точно соответствовал заключению Ученого комитета МГИ: изучение вопроса о причинах обмеления Волги передавалось в Академию наук. Тем не менее А. И. Энегольм еще пытался не допустить полного устранения Общества от дальнейшего участия в изучении этой проблемы. Так, в феврале 1839 г. он обращался в Ученый комитет МГИ с просьбой рассмотреть ходатайство лесничего Вильдермета о возобновлении исследования лесов и речных путей Верхнего Поволжья летом этого года, а самому Вильдермету об отрицательном заключении Ученого комитета и передаче дела в ИАН он сообщит лишь в самом конце мая 1839 г. — много позднее того, как им был получен ответ И. Ф. Деллинсгаузена на это обращение⁵⁸. Свое поражение Общество окончательно признало лишь к февралю 1840 г., когда, после почти годовой проволочки, оно приняло решение не публиковать в «Лесном журнале» отчет о заседании Ученого комитета МГИ 30 сентября 1838 г. Отстраненное от изучения вопроса о влиянии истребления леса на климат и гидрологию Верхнего Поволжья, Общество могло лишь отказаться печатать мнение своих оппонентов⁵⁹.

«Волжская комиссия» ИАН и экспедиция П. И. Кёппена 1840 г.

7 декабря 1838 г. ИАН через своего президента министра народного просвещения графа С. С. Уварова была поставлена в известность о Высочайшем повелении, поручавшем ей изучить теоретическую сторону вопроса о влиянии лесов на уровень воды в Волге. В тот же день ИАН сформировала с этой целью особую комиссию, в которую вошли ее действительные члены Ж. Ф. Паррот, А. Т. Купфер, К. Э. фон Бэр, Г. Ф. Э. Ленц и П. И. Кёппен⁶⁰. Последний к этому времени уже состоял на службе в МГИ, возглавляя второе отделение III департамента, отвечавшее за учебные и образцовые сельскохозяйственные заведения⁶¹.

⁵⁸ Там же. Л. 71–72, 75–75 об., 78–79.

⁵⁹ Там же. Л. 83–84, 97 об.

⁶⁰ Летопись РАН. Т. II. С. 280; *Koepfen P.* Op. cit. S. 199–253; [*Baer K.*] Op. cit. S. 165–198. См. особенно с. 168, 200.

⁶¹ В литературе встречается утверждение, что П. И. Кёппен возглавлял III департамент МГИ (см. *Сухова Н. Г., Красникова О. А.* Указ. соч. С. 36; *Миронос А. А.* Ученые комитеты и советы министерств и ведомств России в XIX в.: задачи, структура, эволюция. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2000. С. 134). По всей видимости, это ошибка (см.: *Месяцеслов... 1839 г.* С. 765; Высшие и центральные государственные

Судя по имеющимся отрывочным данным, «Волжская комиссия» ИАН сформировала свое мнение еще до начала лета 1840 г., не выезжая из Петербурга. Во всяком случае, 12 июня 1840 г. ГУПС уведомило ИАН о том, что заключение Академии наук было этим ведомством получено⁶². Хотя, как отмечал в своем предисловии к отчету «Волжской комиссии» К. Э. фон Бэр, ее члены и разошлись в некоторых частностях⁶³, в целом академики заняли ту же позицию, что и их французские коллеги, подчеркнув, что имеющихся данных недостаточно для ответа на поставленный вопрос. Если в жарком и сухом климате влияние истребления лесов на обмеление рек и сокращение количества осадков представлялось им установленным фактом, то для стран умеренного климата эту зависимость еще предстояло доказать. С этой целью члены комиссии настоятельно рекомендовали немедленно начать гидрометрические и метеорологические наблюдения в бассейне Верхней Волги⁶⁴.

Весьма показательно, что основным партнером ИАН в дальнейшем изучении этого вопроса стало не МГИ, а ГУПС, ранее, как мы помним, поддержавшее рекомендации комиссии 1837 г. Руководитель этого ведомства К. Ф. Толь вполне разделял мысль об организации таких наблюдений и к началу лета 1840 г. попросил Академию наук указать наиболее подходящие места для устройства водомерных пунктов в бассейне Верхней Волги⁶⁵. Выполнение этого поручения взял на себя П. Кёппен, и без того собиравшийся в ученое путешествие по Петербургской, Тверской, Ярославской, Костромской, Нижегородской и Московской губерниям с целью изучения экономики и быта населения. Предварительные результаты летней поездки 1840 г. были доложены П. И. Кёппеном на заседаниях ИАН 2 октября 1840 г. и 15 января 1841 г.⁶⁶ Подробный же отчет, как уже говорилось, был опубликован в IV томе «*Beiträge zur Kenntnis des Russischen Reiches*» в 1841 г.

В отличие от участников экспедиции 1837 г. П. И. Кёппен отнюдь не нашел лесное хозяйство в верхневолжских губерниях приведенным «в оскудение», а напротив, на основании статистических данных доказывал принадлежность этого региона Российской им-

---

учреждения России. 1801–1917: В 4 т. / Отв. сост. Д. И. Раскин. Т. 3. СПб.: Наука, 2002. С. 83).

⁶² Летопись РАН. Т. II. С. 294; *Koepfen P.* Op. cit. S. 170, 199.

⁶³ [*Baer K.*] Op. cit. S. 168.

⁶⁴ *Ibid.* S. 169.

⁶⁵ *Ibid.* S. 170–171; *Koepfen P.* Op. cit. S. 199.

⁶⁶ Летопись РАН. Т. II. С. 296, 300.

перии к числу богатых лесом⁶⁷. Важнее, однако, не сама оценка, а ее метод. Вильдермет, как мы помним, опирался почти исключительно на собственные наблюдения — опытный глаз лесничего замечал все следы старых и новых вырубок, которые дотошно фиксировались в его донесениях. В опубликованном отчете П. Кёппена, равно как и в оставшихся в рукописи путевых записках, вообще ни разу не упоминается, что он действительно осматривал леса на месте. Эта задача, собственно, и не входила в цели его путешествия — в отличие от ГУПС, ожидавшего от него рекомендаций по устройству пунктов для метеорологических и гидрометрических наблюдений, МГИ отнюдь не уполномочивало его инспектировать леса. Все суждения П. И. Кёппена о состоянии лесного хозяйства, таким образом, основываются на общих статистических данных, работах других авторов и собственных экстраполяциях⁶⁸. Идея Кёппена заключалась в том, чтобы установить, какую долю от общей территории в губерниях Верхней Волги занимали леса, а затем сравнить этот показатель с известной статистикой по разным регионам Западной и Центральной Европы. Приняв за основу данные о площади лесов, собранные в ходе Генерального межевания (вторая половина XVIII в.), и не располагая точными сведениями о том, какое пространство они занимали к концу 1830-х гг., Кёппен, естественно, мог делать лишь самые приблизительные оценки. Однако именно на этом основании состояние лесов в бассейне Верхней Волги признавалось им вполне благополучным, даже с учетом того, что естественное возобновление леса, по мнению цитируемых Кёппеном специалистов, происходило в России, вследствие сурового климата, медленнее, чем в Германии⁶⁹. Других данных о естественном приросте леса, кроме суждений своего современника — преподавателя лесных наук в Лисинском учебном лесничестве (позднее — в Лесном и межевом институте в Петербурге) М. Б. Бульмеринга и натуралиста второй половины XVIII в. академика ИАН И. Г. Георги, у Кёппена не было, и он искренне надеялся, что его читатели не станут требовать от него ответа на этот вопрос⁷⁰.

⁶⁷ *Koepfen P.* Op. cit. S. 204–209.

⁶⁸ Во время поездки, в Твери, Кёппен, кажется, встречался с Ф. Ф. Вильдерметом — во всяком случае, от него Кёппен получил ведомость о пространстве помещичьих лесов в губернии, о древесных породах, растущих в здешних лесах, а также список публикаций самого Вильдермета в «Лесном журнале». См.: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 30. Оп. 1. Д. 149. Л. 115 об.

⁶⁹ *Koepfen P.* Op. cit. S. 204–205.

⁷⁰ *Ibid.* S. 218.

Гораздо более его занимало потребление леса в Верхневолжском регионе, но и здесь Кёппен прежде всего хотел оценить его общие масштабы, оперируя преимущественно доступными статистическими показателями (также весьма условными). В отличие от Вильдермета, лишь фиксировавшего вырубку леса и не задававшегося вопросом о ее целях, Кёппен рассматривал прежде всего разные способы хозяйственного использования лесоматериалов — от заготовки дров до мочального и других промыслов, не высказывая при этом никакой оценки экономической целесообразности этих занятий. Об отношении П. И. Кёппена к рубке лесов, и в частности — к сохранившейся еще в этом регионе практике подсечно-огневого земледелия, когда участки леса выжигались под пашню, эксплуатировались несколько лет, а потом забрасывались, — можно судить лишь по одному замечанию, оставшемуся в его неопубликованных записках, сделанных во время поездки в Верхнее Поволжье летом 1840 г.

Признаюсь, — пишет Кёппен, — доколе я не побывал в Костромской губернии, дотоле и мне этот настолько дикий способ удобрения почвы внушал негодование к тем, которые дерзнули бы истреблять огнем леса; когда же я узнал о сотнях тысяч десятинах леса, обращаемых в одно лето в пепел, и видел, что есть у нас места, в коих не дают и по рублю за десятину строевого леса... я не смею уже так безусловно винить людей, которые покушаются на извлечение какого-либо дохода из имений для них вовсе бесполезных. К тому же, что не может служить в пользу человеку, то сдается временем, и сама природа требует обновления, низвергает великие деревья, ею взращенные, дабы из тела их возродить новую красу земли⁷¹.

Иными словами, благосостояние жителей — как крестьян, так и местных помещиков — было для Кёппена важнее сбережения лесов, на которые он смотрел преимущественно как на источник дохода.

Таким образом, рассеяв в своем отчете лишь самые общие страхи, вызванные «оскудением» Верхней Волги лесами, Кёппен, по видимому, посчитал свою задачу в этом пункте выполненной и переходил далее к рассмотрению водного хозяйства — т.е. той сферы, которая действительно была детально изучена им во время путешествия. Вопрос о влиянии леса на климат и водный режим остался за рамками его исследования.

---

⁷¹ СПФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 149. Л. 117 об.—118.

В отличие от Кёппена К. Э. фон Бэр все же взял на себя смелость высказаться более определенно. Не оспаривая тезиса о сокращении площади лесов под влиянием растущих потребностей в древесине и признавая, что в России лес часто вырубается и гибнет совершенно не оправданно, Бэр, однако, подробно останавливался на тех аспектах проблемы, которые были вполне созвучны позиции руководства МГИ. С одной стороны, он подчеркивал, что жалобы на истребление лесов в России отнюдь не новость — они известны еще со времен Петра I и в прошлом уже приводили к введению бессмысленных или даже вредных запретов. Пользу подобные жалобы, с точки зрения Бэра, могли принести лишь тогда, когда они стимулировали не законодательные ограничения, а введение «правильного лесного хозяйства». С другой стороны, настаивал Бэр, не было никаких оснований считать, что место безлесных степных пространств некогда непременно занимали леса. Этот сюжет он рассматривал в своей статье особенно подробно, прямо полемизируя здесь с «Земледельческой газетой» Е. Ф. Канкрин. В последней в свое время утверждалось, что одна из причин «безлесности» степей юга Российской империи состоит «в истреблении преждебывших лесов, о существовании коих найдены несомненные признаки; таковое опустошение главнейше происходит от образа жизни кочующих народов»⁷². Полемику К. Э. фон Бэра с «Земледельческой газетой» следует, таким образом, отнести к числу первых публикаций, посвященных «степному вопросу», занимавшему российских геоботаников на протяжении всего XIX в., — вопросу о местоположении естественной границы между лесной и степной зонами.

К. Э. фон Бэр решительно не соглашался с теми авторами, кто на основании отдельных цитат из античных и средневековых источников был убежден в существовании на территории Северного Причерноморья в древности огромных лесов, которые позднее якобы были истреблены ордами кочевников. С точки зрения Бэра, «...номады так же мало произвели степи, как охотники — зверей или рыболовы — рыбу, напротив, степи произвели номадов [...] Русские, выходя из обильных лесами и хлебом стран, должны были, при водворении в степи, во многом принять образ жизни татар. Так произошли казаки, наследовавшие самое имя татарских наездников...»⁷³

⁷² О климатических различиях России... С. 6.

⁷³ [Baer K.] Vorwort des Herausgebers // Beiträge zur Kenntnis des Russischen Reiches. 1841. Bd. 4. S. 180. Русский перевод цит. по: О влиянии истребления

Иными словами, в отличие от позднейших исследователей, Бэр полагал, что вторжение земледельческих народов лесной зоны в иную природно-климатическую среду ведет скорее к изменению образа жизни этих народов, нежели к изменению среды обитания⁷⁴. Основанием для этого вывода служили Бэру его убежденность в том, «как велико могущество природы в сравнении с силами человека», а также и известные ему трудности в разведении лесов в степной зоне:

Большие усилия употребляются ныне для засаждения степи деревьями — в немногих местностях с хорошим, но вообще с незначительным успехом; напротив того в средних и северных частях России человек действует на леса истребительно, но природа сильно действует против него и потому-то именно утешительно замечание, что истребление лесов началось ранее, нежели сколько может упомнить история, и что во всяком случае оно современно первому поселению здесь человека⁷⁵.

В основе рассуждений Бэра лежала его убежденность в исходной гармонии и целесообразности природы, вполне обеспечивающей удовлетворение естественных нужд человека, при условии разумной организации его хозяйственной жизни:

В естественном произведении лесов лежит оборотный капитал, который необходимо должен приносить проценты. Задача правильного лесного хозяйства состоит именно в том, чтобы собирать эти проценты без повреждения капитала; если эти проценты не будут взимаемы, то природа сама их уничтожает, потому что она должна производить новые леса, для которых нет довольно места, пока не будут уничтожены старые...⁷⁶

Что же касается собственно вопроса о влиянии лесов на климат и водный баланс, то Бэр подчеркивал здесь множество взаимодействующих факторов, не позволявших дать однозначный ответ. Леса, по мнению Бэра, безусловно, способствуют накоплению влаги, однако вырубка лесов тоже идет неравномерно: земледелец осваивает в первую очередь сухие, а не болотистые пространства. Открытые безлесные пространства быстрее охлаждаются, и потому если над

лесов на обмеление рек... С. 239.

⁷⁴ Подробное обсуждение эволюции взглядов российских естествоиспытателей по этому вопросу см. в работах Д. Муна (*Мун Д. Экологическая история российских степей: Василий Докучаев и неурожай 1891 г. // Вопросы истории естествознания и техники. 2009. № 3. С. 48–71; Moon D. The destruction of woodland...*).

⁷⁵ О влиянии истребления лесов на обмеление рек... С. 241.

⁷⁶ Там же. С. 242.

такой равниной будет двигаться влажный воздух, то именно здесь, а не в лесу прольется дождь. Леса также могут, подобно горам, поддерживать продвижение холодного влажного воздуха — соответственно, их истребление в Верхнем Поволжье, возможно, наоборот, способствовало бы установлению здесь сырой, дождливой погоды⁷⁷.

Таким образом, публикация отчета «Волжской комиссии» ИАН рассеивала многие опасения, ранее сознательно нагнетавшиеся Министерством финансов и Обществом для поощрения лесного хозяйства: губернии Верхней Волги признавались обладающими обильными запасами леса, масштабы истребления лесов в России — сильно преувеличенными, а взаимосвязь между исчезновением лесов и понижением уровня рек при сокращении количества осадков — недоказанной. Совершенно очевидно, что именно эта позиция разделялась и поддерживалась руководством МГИ. Статьи К. Э. фон Бэра и П. И. Кёппена в IV томе “*Beiträge...*” как минимум на десятилетие поставили точку в обсуждении этого вопроса в России: в 1840-е — первой половине 1850-х гг. мы больше не встречаем публикаций по этой теме ни в ЖМГИ, ни в «Лесном журнале»⁷⁸.

***Вместо эпилога: лесохозяйственная наука
в Российской империи 1830-х — 1840-х гг. и судьба Общества
для поощрения лесного хозяйства***

В 1840-е гг. члены «Волжской комиссии» ИАН продолжали сотрудничество с ГУПС, связанное с выяснением вопроса об обмелении Верхней Волги. Так известно, что летом 1841 г. А. Т. Купфер и Г. Ф. Э. Ленц проводили гидрометрические и метеорологические наблюдения в этом регионе⁷⁹. Что же касается Общества для поощрения лесного хозяйства, то оно не только было полностью

---

⁷⁷ Там же. С. 249–250.

⁷⁸ Здесь мы не согласны с Д. Муном (*Moon D. The debate over climate change... Р. 257–262*): публикации, в которых прямо говорится об изменении климата под воздействием истребления лесов, не характерны для всей первой половины — середины XIX в., а имеют четкую временную локализацию (середина — вторая половина 1830-х гг.). С началом 1840-х гг. в статьях в «Журнале МГИ» начинает утверждаться противоположная точка зрения, на что обратил внимание еще И. А. Федосеев, никак не связывавший, впрочем, это с изменением ведомственной политики, а делавший лишь вывод об отсутствии единства мнений по вопросу о климатической и гидрологической роли леса в этот период (*Федосеев И. А. Указ. соч. С. 97*).

⁷⁹ Летопись РАН. Т. II. С. 302.

отстранено от изучения этой проблемы, но достаточно скоро и вовсе перестало существовать как самостоятельное объединение, войдя в 1845 г. в состав Императорского Вольного экономического общества (ИВЭО) на правах особого (VI или «лесного») отделения⁸⁰. Причины этого административного преобразования до настоящего времени не освещались в литературе, поэтому мы позволим себе несколько подробнее остановиться на этом вопросе, чтобы затем перейти к подведению итогов статьи.

Заметим, что к 1840 г. состав Общества значительно обновился. Однако нет никаких оснований предполагать, что произошедшие изменения могли пагубно сказаться на его дееспособности: выбыло несколько чиновников Министерства финансов и МГИ, ничем особенно себя не проявивших, а на смену двум выбывшим сотрудникам «Лесного журнала» — преподавателям Лесного института П. А. Перельгину и К. Гильдеману — пришел другой преподаватель этого же учебного заведения В. С. Семенов, чьи статьи в основном и наполняли это издание в 1840-е гг. Вступившие к началу этого десятилетия в Общество начальник Главного морского штаба адмирал князь А. С. Меншиков, генерал-губернатор Бессарабии граф М. С. Воронцов, и. д. директора Департамента корабельных лесов Морского министерства контр-адмирал барон Ф. П. Врангель, сотрудник Министерства финансов граф А. А. Бобринский с успехом восполняли связи выбывших П. И. Полетики, А. К. Мейендорфа или умершего в 1836 г. В. А. Всеволожского в придворных, аристократических кругах и в высших эшелонах государственной администрации. Избрание же в члены Общества известного ботаника и минералога профессора Дерптского университета К. Х. Ф. Ледебура могло лишь укрепить научный авторитет общества⁸¹.

В 1842 г. Обществу исполнилось десять лет. Наступление этой даты было не просто приятным поводом подвести итоги: в 1832 г. по Высочайше утвержденному уставу общество учреждалось лишь на такой срок, после чего правительство должно было решить, насколько целесообразно его дальнейшее существование. По этому поводу в 1842–1843 гг. между обществом и МГИ завязалась пере-

---

⁸⁰ Объявление об издании «Лесного журнала» в 1845 г. // Лесной журнал. 1845. № 1. С. 1; *Ходнев А. И.* История Императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1865. С. 127–128.

⁸¹ Состав общества на 31 октября 1840 г. см.: РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 898. Л. 7–10 об.

писка. Формально П. Д. Киселев нашел деятельность Общества полезной и входил с Всеподданнейшим докладом к Николаю I о продлении устава Общества на новое десятилетие — по его докладу 9 марта 1843 г. последовало соответствующее Высочайшее соизволение. Финансирование от МГИ должно было поступать обществу в прежнем объеме⁸². Несмотря на все это, уже через несколько лет Общество прекратило самостоятельное существование.

Безусловно, вхождение общества в состав ИВЭО могло подтолкнуть то обстоятельство, что несколькими годами ранее, в 1840 г., принц П. Г. Ольденбургский, сменивший П. И. Полетику на посту президента общества, стал также и президентом ИВЭО⁸³. Однако, как нам представляется, основная причина состояла в том, что в ведомстве П. Д. Киселева общество потеряло смысл существования. Уже уход П. И. Полетики с поста президента в конце 1837 г., т. е. в тот момент, когда вопрос о передаче общества из Министерства финансов в МГИ был решен, говорит о многом — ведь годом ранее Полетика был благополучно переизбран на следующее четырехлетие⁸⁴. Само же слияние Общества для поощрения лесного хозяйства с ИВЭО произошло, как уже говорилось выше, в 1845 г. — в том же году, в начале сентября, как известно, умер Е. Ф. Канкрин, за год до этого покинувший пост министра финансов.

С конца 1830-х гг. «Лесной журнал» стал заметно суше и сократился в объеме — в первую очередь за счет обзоров состояния лесного хозяйства в Российской империи. В то же время с 1841 г. МГИ стало издавать свой собственный ведомственный журнал, публиковавший, в том числе, и статьи по лесному хозяйству и научному лесоводству. И хотя «Лесной журнал» продолжал выходить вплоть до 1851 г., очевидно, что уже к середине 1840-х гг. с его наполнением возникли известные трудности, вызванные заметным сокращением корреспонденции с мест.

Неприязненные отношения министра финансов Е. Ф. Канкрин и главы МГИ П. Д. Киселева, переросшие в межведомственное соперничество, хорошо известны⁸⁵. Однако в исторической литературе до сих пор отсутствует детальный анализ различий политики, проводившейся этими двумя государственными деятелями

---

⁸² РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 912. Л. 1–3.

⁸³ Ходнев А. И. Указ. соч. С. 645.

⁸⁴ Отчет общества для поощрения лесного хозяйства с 25 февраля 1836 по 25 февраля 1837 г. // Лесной журнал. 1837. Ч. 2. Кн. 1. С. 10–50. См. с. 11.

⁸⁵ См. например: *Божеянов И. Н.* Указ. соч. С. xvii, 176–177.

в области лесного хозяйства, природных ресурсов. Изученные нами материалы позволяют лишь отметить некоторые, лежащие на поверхности моменты.

Очевидно стремление Е. Ф. Канкрина воздействовать на образованное общество, просвещать его, тем самым меняя его сознание и поведенческие практики (вспомним здесь не только учреждение Общества для поощрения лесного хозяйства, «Лесного журнала», экспедицию 1837 г., но и развитие Лесного института, публикацию «Земледельческой газеты»). Вспомним в то же время консерватизм Е. Ф. Канкрина, его стремление избегать резкого вмешательства в уже сложившийся порядок вещей, особенно проявившееся в крестьянском вопросе, но характерное, по-видимому, и для других областей его деятельности⁸⁶. Государственным деятелем совершенно иного склада был П. Д. Киселев. Для него приоритетом было создание эффективного контроля над использованием находившихся в его ведении ресурсов за счет наращивания управленческого аппарата и технических кадров⁸⁷. При этом состояние людских ресурсов — благосостояние государственных крестьян — было для него, безусловно, более значимо, чем состояние лесов. Поэтому радикальные предложения комиссии 1837 г., предполагавшие запрет любой экономической деятельности по берегам Волги и ее притоков, — на что, заметим, вряд ли пошел бы и Е. Ф. Канкрин, — никак не могли рассчитывать на поддержку в его ведомстве. Напротив, по представлению П. Д. Киселева в Высочайший манифест 16 апреля 1841 г. по случаю бракосочетания наследника престола великого князя Александра Николаевича был внесен пункт, в соответствии с которым все дела, заведенные по 1840 г., о самовольной вырубке, потраве скотом, поджоге или расчистке под пашню казенного леса крестьянами и церковнослужителями были прекращены, а невзысканные суммы штрафов прощены⁸⁸. Сказанное не означает, что П. Д. Киселев был готов смириться с плачевным состоянием лесного хозяйства России. Однако политика П. Д. Киселева в этой области принципиально отличалась от подхода Е. Ф. Канкрина. Задача изменить сознание и практики частных владельцев лесов,

---

⁸⁶ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. Т. 1. 635 с.; 1958. Т. 2. 617 с. См. особенно т. I, с. 164–167.

⁸⁷ Дружинин Н. М. Указ. соч.

⁸⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XVI. Отд. 1. СПб.: Тип. 2-го отделения С. Е. И. В. канцелярии, 1842. С. 312.

как нам кажется, была совершенно чужда МГИ при П. Д. Киселеве. Политика этого ведомства в области лесного хозяйства в 1840-е гг. сводилась, в сущности, к двум основным направлениям: инвентаризации государственных лесов и созданию эффективной службы их охраны⁸⁹. Иными словами, не изменение общественного сознания и практик природопользования, а «приведение в известность» наличных ресурсов и постоянный правительственный контроль на местах были приоритетами ведомства П. Д. Киселева.

При этом первая задача решалась, в том числе, и за счет обращения к ученым из Академии наук. Исследование академической комиссией вопроса о связи между истреблением лесов и обмелением Волги стало, очевидно, одним из первых шагов в установлении такого сотрудничества. В том же 1841 г., когда в «*Beiträge zur Kenntnis des Russischen Reiches*» были опубликованы статья К. Э. фон Бэра и отчет П. И. Кёппена, последний был введен в состав Ученого комитета МГИ, где состоял до самой смерти в 1864 г.⁹⁰ К. Э. фон Бэр, как известно, позднее станет главным экспертом МГИ в вопросах рыбного хозяйства — сначала его привлекут к изучению причин сокращения уловов рыбы в Чудском озере и на Балтике (1851 г.), а затем для исследования состояния рыболовства на Каспии (1853 г.)⁹¹. В самом МГИ, в его III департаменте, переименованном в 1845 г. в Департамент сельского хозяйства, будущий непреременный секретарь ИАН К. С. Веселовский в 1840-е — начале 1850-х гг. будет заниматься сбором материалов о почвах и климате Российской империи, тесно сотрудничая не только с П. И. Кёппеном, но и с академиком А. Купфером. Собранные им в МГИ данные лягут в основу первых почвенной и климатической карт Российской империи, а также монографического исследования климата России, написанного самим К. С. Веселовским⁹².

Однако не следует и преувеличивать силу влияния, степень инкорпорированности академического сообщества в состав высшей государственной администрации. Как мы уже говорили, в первые годы после образования МГИ (1838 — первая половина 1841 г.)

---

⁸⁹ Каримов А. Э. Указ. соч. С. 130–165.

⁹⁰ Список высших чинов... С. VIII–IX.

⁹¹ Лайус Ю. А. Карл Бэр как историк рыболовства // Всероссийская научная конференция «Исторический опыт научно-промысловых исследований в России». М., 2002. С. 135–136.

⁹² Веселовский К. С. О климате России. СПб.: Имп. Акад. наук, 1857. 327 с.; Веселовский К. С. Климатологический очерк России. СПб., 1848. 67 с.

в составе его Ученого комитета мы не встречаем ни одного исследователя, серьезно занимавшегося теоретическими вопросами естествознания. Два представителя «ученого сословия» — Шмальц и М. Г. Плисов — были специалистами в области «камеральных наук». Впоследствии, в 1840-е — первой половине 1850-х гг., из одиннадцати человек, состоявших членами Ученого комитета МГИ, один лишь П. И. Кёппен может быть отнесен к академическому сообществу Российской империи, а из представителей лесохозяйственной науки того времени в нем присутствовали только преподаватели Лесного и межевого института и Лисинского учебного лесничества М. Б. Бульмеринг и Е. А. Петерсон⁹³.

Важно и другое. Вопрос о степени интеграции ученой и бюрократической элит Российской империи XIX в. достаточно сложен для изучения и плохо поддается простому количественному анализу, какой пытались в разное время делать П. А. Зайончковский и А. А. Миронос⁹⁴, — поскольку сама дефиниция ученого в этом столетии претерпевает существенные изменения. Особенно это относится к специалистам в тех областях, которые мы сегодня называем прикладными науками. Эту мысль как раз наглядно иллюстрирует обсуждение вопроса о влиянии истребления леса на климат в МГИ на рубеже 1830-х–1840-х гг., когда в число «экспертов» попадают не только М. Г. Плисов и Шмальц, но и литератор и музыковед В. Ф. Одоевский.

Сама лесохозяйственная наука в этот период еще находится в самом начале пути от камеральной статистики и концепции «экономики природы» к естествознанию, что хорошо отражают, в частности, материалы, публиковавшиеся в «Лесном журнале». «Лесная наука» конца XVIII — первой половины XIX в. еще была частью «камеральных наук» — наук об эффективной организации государственного хозяйства. Основу «лесной науки» составляли принципы «правильного лесоустройства», позволявшего относительно легко рассчитывать общий объем древесины и извлекать максимальную экономическую выгоду от эксплуатации леса, поддерживая в то же время его возобновление. Ученый лесовод 1830-х–1840-х гг. был в первую очередь специалистом в области лесной таксации, что хорошо видно на примере Ф. Ф. Вильдермета, озабоченного лишь сохранением леса как запаса древесных материалов разного каче-

⁹³ Список высших чинов... С. VIII–IX.

⁹⁴ *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М.: Мысль, 1978. С. 91; *Миронос А. А.* Указ. соч. С. 128–136.

ства. Взглядом статистика и экономиста смотрел на лес и академик П. И. Кёпшен, но он, однако, различал разные способы потребления леса, которые, собственно, его в первую очередь и интересовали. Несколько шире подходил к лесам в верховьях Волги академик К. Э. фон Бэр. В основе его подхода тоже еще лежала концепция «экономии природы» — окружающего мира как упорядоченной, гармоничной системы, созданной Всевышним для поддержания человеческого рода, входящего в эту систему как ее неотъемлемая часть. В своих научных занятиях он стремился познать разные составляющие этой гармонии, достаточно легко переходя от этнографии к зоологии. Именно поэтому для него было так характерно изучение природных ресурсов в сочетании с изучением практик пользования этими ресурсами.

Ответ на вопрос о том, могло ли исчезновение лесов привести к понижению уровня воды в Волге и ее притоках, безусловно, превышал возможности науки того времени, не располагавшей еще достаточными наблюдационными данными, не говоря уже о количественных измерениях и качестве наблюдений⁹⁵. В этом смысле прав был М. Г. Плисов, когда, несмотря на все ссылки его оппонентов на Гумбольдта и Араго, он отзывался о влиянии истребления лесов на обмеление рек как о «недоказанной гипотезе». Однако сама постановка таких вопросов заинтересованными ведомствами стимулировала, как во Франции, так и в России, разработку фундаментальных и прикладных исследований в этой области.

---

⁹⁵ *Andreassian V. Op. cit.*

Просвещенная бюрократия, «гумбольдтовская наука» и местное знание в Российской империи второй четверти XIX в.

М. В. Лоскутова

В 1851 г. Департамент сельского хозяйства Министерства государственных имуществ (МГИ) опубликовал «Хозяйственно-статистический атлас Европейской России», состоявший из 15 карт. Издание сопровождалось достаточно подробными пояснениями, выпущенными в виде отдельной брошюры¹. В числе этих карт были первая почвенная и климатическая карты европейской части империи.

Впоследствии атлас несколько раз переиздавался и перерабатывался. Тем не менее он оказался почти совершенно забытым в истории отечественного естествознания. Так, о климатической карте 1851 г. мы вообще не встречаем упоминаний в работах, посвященных становлению метеорологии и климатологии в России². Не многим больше «повезло» почвенной карте. О ней обычно бегло упоминают, когда речь заходит о создании генетического почвоведения, ведь самые первые шаги в этом направлении В. В. Докучаев сделал как раз в ту пору, когда принимал участие в подготовке 4-го переработанного издания атласа. Однако позднее, на пике своей научной карьеры, Докучаев достаточно скептически отзывался об этом ведомственном предприятии — и это обстоятельство, естественно, предопределило последующее восприятие карты 1851 г. историками науки. Безусловно, для объяснения произведенного им переворота В. В. Докучаеву важно было подчеркнуть принци-

¹ Хозяйственно-статистический атлас Европейской России, составленный при Департаменте сельского хозяйства МГИ. СПб.: [Тип. МГИ], 1851; Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России, изданному Департаментом сельского хозяйства МГИ. СПб.: Тип. МГИ, 1851.

² См., например, классические работы: *Хргиан А. Х.* Очерки развития метеорологии. 2-е изд. Л.: Гидрометеоиздат, 1959; *Нездюров Д. Ф.* Очерки развития метеорологических наблюдений в России. Л.: Гидрометеоиздат, 1969.

альное отличие собственных исследований от всех предшествовавших и современных ему работ, рассматривавших почву лишь как простой продукт выветривания геологических пород. Однако сущность расхождений В. В. Докучаева со своими предшественниками раскрывалась читателям лишь постепенно, по мере прочтения его капитального труда. В предварительном же обзоре литературы, где, собственно, и говорилось об атласе 1851 г., В. В. Докучаев оспаривал достоверность полученных тогда результатов не путем разбора их исходных теоретических посылок, а за счет простого противопоставления науки местному/чиновничьему знанию: «99 частей географического материала по распространению чернозема собрано чиновниками Министерства государственных имуществ при помощи местных жителей, т. е. такими наблюдателями, которые в огромном большинстве случаев, понятно, были совершенно не подготовлены к такого рода работе»³.

К началу 1880-х гг., когда В. В. Докучаев писал эти строки, понятия ученого и чиновника, науки и государственного управления уже были четко дифференцированы. Еще более очевидным, но не столь идеологически заостренным был контраст между наукой и «локальным знанием», носителями которого выступали местные жители. Такой взгляд на вещи, окончательно оформившийся как раз в эпоху, когда жил и действовал основатель генетического почвоведения, был унаследован последующими историками науки. Сформировавшиеся во второй половине XIX — начале XX вв. научные дисциплины и научные школы надолго предопределили круг интересов историков науки, постановку проблем. Историки науки занимались преимущественно генеалогией тех идей, которые определяли современный облик того или иного научного направления. Вопросы взаимодействия науки и практики, науки и государственного управления, науки и общества на протяжении большей части XX в. не привлекали к себе внимания серьезных исследователей или рассматривались крайне схематично. Однако в последние десятилетия ситуация значительно изменилась в связи с изменением самих условий производства научного знания в современном мире: заметно возрос интерес к истории прикладных наук, к проблемам переноса и восприятия научного знания за пределами собственно академического сообщества, к изучению роли ученых как экспертов государственных и общественных органов власти, роли

³ Докучаев В. В. Русский чернозем. Отчет Императорскому Вольному экономическому обществу. СПб.: Тип. Деклерона и Евдокимова, 1883. Гл. 1. С. 6.

неспециалистов в производстве нового знания. По этой причине мы и обратились к истории подготовки двух упомянутых карт из «Хозяйственно-статистического атласа Европейской России» 1851 г. Как нам представляется, эта история позволяет по-новому взглянуть на историю науки в России второй четверти XIX в. — увидеть ее в контексте государственного строительства, политики отдельных министерств и ведомств, поставить вопрос о границах научного сообщества в эту эпоху, рассмотреть механизмы взаимодействия академической науки, центральных органов власти и носителей местного знания.

В последние годы рядом исследователей уже высказывалась мысль о том, что с переходом к николаевскому правлению, в конце 1820-х — в 1830-е гг., происходит качественный сдвиг в познании Российской империи, ее пространства, природных и человеческих ресурсов. От отдельных, достаточно случайных и незавершенных начинаний, от кругосветных экспедиций, правительство вновь обращается к последовательному изучению территории собственной страны. Этот скорее интуитивно угадываемый поворот, кажется затронувший не только науку⁴, некоторые историки связывают с общей идеологической переориентацией от мистического христианского универсализма последних лет александровского царствования в сторону поисков национальной самобытности в духе С. С. Уварова⁵. Другие специалисты подчеркивают общеевропейский характер увлечения статистикой в 1830-е — 1840-е гг. как инструментом, позволяющим не только осмысливать, но и создавать новую социальную реальность — европейское общество нового времени⁶. Наконец появились статьи, где прямо говорится о формировании нового, «модерного» понимания государственной власти

⁴ Сходное смещение приоритетов — от темы моря к образу великой континентальной империи — в городском пространстве Петербурга при переходе от александровского к николаевскому царствованию отмечено в работе: *Сдвижков Д.* Империя в наполеоновском наряде: восприятие французского неоклассицизма в Российской империи // *Imperium inter pares. Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*. М.: Изд-во НЛЮ, 2010. С. 67–104, см. особенно с. 82.

⁵ *Копелев Д.* На службе Империи: немцы и Российский флот в первой половине XIX в. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2010. С. 59. Здесь обсуждается место Русского географического общества в общем контексте правительственной политики конца 1840-х гг.

⁶ *Смит-Петер С.* Русская статистика первой половины XIX в. в общеевропейском контексте // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2005. № 4. С. 125–136. См. особенно с. 130–131.

в России 1830-х — 1840-х гг., частью которого было использование языка и практик европейской науки как инструментов управления территорией и населением⁷.

Последняя работа Е. А. Вишленковой отсылает нас к известным работам Брюса Линкольна, в которых автор, в сущности, говорил о том, что николаевский период был временем структурирования современного европейского общества и государства в России⁸. В своих исследованиях Линкольн напрямую не задавался вопросом о роли научного знания в этом процессе, хотя по ходу рассказа он достаточно детально освещал некоторые академические начинания той эпохи. Как нам представляется, сейчас появилась возможность вернуться к данной проблематике, рассмотрев именно этот последний аспект.

Истоки замысла: политика МГИ и «гумбольдтовская наука»

Попробуем сначала разобраться, почему в 1840-е гг. МГИ занялось составлением почвенной и климатической карт и что вообще представляли собой почвенные и климатические исследования в этот период. Безусловно, к тому времени представление о почвах и климате как о двух условиях, которые в значительной степени определяют возможности сельского хозяйства, давно стало общим местом всех агрономических трактатов. Переустройство сельского хозяйства на новых рациональных, освященных авторитетом науки основаниях предполагало изучение этих факторов. Именно подобную цель — рационализации хозяйства, внедрения в этой сфере новых европейских практик — ставило перед собою созданное на исходе 1837 г. для управления государственными имуществами новое министерство во главе с П. Д. Киселевым, одним из наиболее просвещенных, амбициозных и настроенных на реформы государственных деятелей николаевской эпохи⁹.

---

⁷ Вишленкова Е. «Выполняя врачебные обязанности, я постиг дух народный»: самосознание врача как просветителя государства (Россия, первая половина XIX века) // *Ab Imperio*. 2011. № 2. С. 47–79. См. особенно с. 52 и 77.

⁸ *Lincoln W.B.* In the vanguard of reform: Russia's enlightened bureaucrats, 1825–1861. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1982; *Idem.* Nikolai Miliutin, an enlightened Russian bureaucrat. Newtonville: Oriental Research Partners, 1977.

⁹ История создания МГИ, проводимая этим ведомством политика в отношении государственных крестьян в конце 1830-х — первой половине 1850-х гг. и его роль в подготовке отмены крепостного права достаточно

С первых дней своего существования новое министерство приступило к реализации масштабной программы, направленной на «приведение в известность» всех наличных ресурсов с целью последующей рационализации управления ими. Так, с начала 1840-х гг. в МГИ активно занялись составлением лесного и земельного кадастров¹⁰. Работа над «Хозяйственно-статистическим атласом» органично вписывалась в этот контекст, более того, как мы увидим ниже, на практике она отчасти выполнялась силами кадастровых комиссий и ученых лесничих, направленных в губернии для составления лесных карт и оценки стоимости лесов. Сам же замысел издания атласа, как нам кажется, возник под влиянием ряда сходных научных и научно-административных инициатив, которые предпринимались на рубеже 1830-х — 1840-х гг. в тех странах, которые оказывали преобладающее влияние как на науку, так и на управленческие практики государственного аппарата Российской империи, — в Германии и во Франции.

Как можно установить по сохранившимся архивным документам, впервые задача подготовки «Хозяйственно-статистического атласа» была поставлена в МГИ в 1843 г.¹¹ Важно отметить, что первоначальный план издания значительно отличался от того, что было опубликовано в 1851 г. В 1843 г. речь шла о составлении лишь четырех карт — климатической, почвенной, лесной и карты хозяйственных растений. Таким образом, исходный замысел был ориентирован не столько на освещение экономических вопросов,

---

хорошо описаны в литературе. См.: *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев и его время. Т. 2. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882; *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 1–2. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946, 1958.

¹⁰ См.: *Каримов А. Э.* Докуда топор и соха ходили: очерки истории земельного и лесного кадастра в России XVI – начала XX века. М.: Наука, 2007; *Арнольд Ф. К.* История лесоводства в России, Франции и Германии. СПб.: Издание А. Ф. Маркса, 1895. С. 306–317; Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Естественно-историческая часть. Отчет Нижегородскому губернскому земству. Вып. 1. Главные моменты в истории оценок земель Европейской России с классификацией русских почв. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1886. См. гл. 1. Кадастр Министерства государственных имуществ. С. 2–9.

¹¹ См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 398. Оп. 7. Д. 1850а («О составлении общего хозяйственного атласа государственных имуществ», ч. 1). Л. 1–3 («Предложение господина министра государственных имуществ III департаменту государственных имуществ», 31 мая 1843 г.).

заявивших такое заметное место в окончательной редакции атласа, сколько на анализ природных условий. Карты подобного рода как раз в это время стали появляться в Европе. В их основе лежали идеи, характерные для одного из наиболее ярких течений в развитии естествознания первой половины XIX в., за которым с легкой руки американского историка Сюзан Кэннон в англоязычной литературе закрепилось название «гумбольдтовской науки» (Humboldtian science)¹².

Следует сразу оговорить, что последнее понятие далеко не сводится к научному творчеству одного лишь А. фон Гумбольдта, хотя именно ему принадлежит колоссальный вклад в формирование тех основных черт, что отличали этот подход от старой естественной истории и натурфилософии XVIII в. Сущностной характеристикой «гумбольдтовской науки» была ее ориентация на точные инструментальные наблюдения и количественные методы анализа, направленные на выявление взаимозависимости между широким спектром самых разных природных явлений, а также закономерностей их географического распределения на пространстве целых континентов и даже всего земного шара. Как известно, именно Гумбольдтом впервые был четко сформулирован и введен в широкий научный оборот целый ряд концепций и методов, связанных с изучением климата земного шара, земного магнетизма, географии растений. Так, в частности, Гумбольдт первым описал вертикальную зональность — последовательную смену типов растительности в зависимости от высоты местности над уровнем моря. Это явление было наглядно продемонстрировано им в виде схемы, на которой Южноамериканский континент был изображен в разрезе от Атлантики до Тихого океана на широте горы Чимборасо, на которую совершил восхождение Гумбольдт. Он же впервые показал обусловленность климата не одной лишь близостью или удаленностью от экватора, но неравномерным распределением воды и суши по земной поверхности: соединив на карте точки с одинаковыми средними годовыми температурами, Гумбольдт наглядно показал несовпадение построенных таким образом изотерм с параллелями. Предложенный им «графический метод» представления данных

---

¹² Cannon S. F. *Science in Culture: The Early Victorian Period*. New York, 1978. P. 73–110 (глава «Humboldtian science»). См. также: Dettelbach M. *Humboldtian science // Cultures of natural history / Ed. by N. Jardine, J. A. Secord, E. C. Spary*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1996. P. 287–384.

и их анализа послужил мощным стимулом для развития тематической картографии¹³.

Одним из самых известных примеров приложения идей Гумбольдта к тематической картографии стал знаменитый «Физический атлас» Г. Бергхауза¹⁴. Первый выпуск этого издания увидел свет в Готе в 1838 г. Г. Бергхауз находился под сильным влиянием Гумбольдта, много переписывался с ним, и не случайно одной из первых карт атласа стала «Система изотермических кривых Александра фон Гумбольдта в проекции Меркатора» (1838). Эта же идея была положена Бергхаузом в основу другой климатической карты, также опубликованной уже в 1838 г., — «Карты Европы с обозрением распространения тепла в этой части света». До 1843 г. Бергхауз успел издать и две карты растений: «Обзор распространения важнейших культурных, древесных и кустарниковых растений с показанием изотерм и изохимен, по данным Скоу» (1839) и «Области распространения важнейших культурных растений» (1840). В основе этих карт лежали работы датского ботаника Й. Ф. Скоу (J. F. Schouw) — одного из создателей географии растений, на работы которого идеи Гумбольдта тоже оказали большое влияние¹⁵. На картах Бергхауза были выделены границы распространения таких основных сельскохозяйственных культур, как ячмень, пшеница, рожь, рис, кукуруза, виноград, а также дуба, бука и вечнозеленых лиственных деревьев. В МГИ, как мы увидим, были знакомы с атласом Бергхауза, и последний вполне мог послужить источни-

---

¹³ О Гумбольдте написано множество работ. Аннотированный указатель литературы до 2007 г. на русском языке см.: Александр фон Гумбольдт в русской литературе: Аннотированная библиография / Сост. Н. Г. Сухова. СПб.: Нестор-История, 2006. См. также: *Rupke N.A. Alexander von Humboldt: a metabiography*. Chicago: University of Chicago Press, 2008. Последняя работа посвящена изучению меняющегося восприятия Гумбольдта в истории науки. В частности, в ней обсуждается и вопрос о соотношении между творчеством самого Гумбольдта и понятием «гумбольдтовской науки» — см. с. 189–192.

¹⁴ *Berghaus' physikalischer Atlas*. Gotha: Justus Perthes, 1838–1848. См. о нем: *Kozák J., Vaněk J. Berghaus' Physikalischer Atlas: surprising content and superior artistic images // Studia Geophysica et Geodaetica*. 2002. Vol. 46. P. 599–610. О влиянии Гумбольдта на Бергхауза см. также: *Robinson A.H., Wallis H.M. Humboldt's map of isothermal lines: a milestone in thematic cartography // The Cartographic Journal*. 1967. Vol. 4. N 2. P. 119–123.

¹⁵ О Скоу см.: *Nicolson M. Humboldtian plant geography after Humboldt: the link to ecology // The British Journal for the History of Science*. 1996. Vol. 29. N. 3. P. 289–310. См. особенно с. 292–293.

ком, откуда руководство этого ведомства позаимствовало идею составления климатической карты и карты сельскохозяйственных растений.

Однако атлас Бергхауза был все же чисто научным предприятием. Непосредственным же толчком к принятию решения о публикации «Хозяйственно-статистического атласа Европейской России» в МГИ, как мы полагаем, могли послужить известия из Франции, где в январе 1842 г., генеральный совет по сельскому хозяйству при Министерстве сельского хозяйства и торговли единогласно одобрил проект составления общей сельскохозяйственной карты этой страны. Вслед за тем отдельные департаменты заявили о том, что приступают к реализации этой идеи на подведомственной территории¹⁶. В руководстве МГИ, как и других российских министерств, внимательно следили за научно-административными затеями французских коллег, поэтому подобная инициатива вряд ли могла остаться незамеченной.

Аргументом в пользу нашего предположения о французском влиянии служит не только близкое соседство по времени двух проектов, но общее сходство замысла. В предложениях по составлению сельскохозяйственной карты Франции, внесенных в 1842 г. на рассмотрение генерального совета по сельскому хозяйству Арсиссом де Комоном, речь шла именно о картировании почв и растительности.

В начале 1840-х гг. сама идея составления почвенных карт, была, безусловно, новой. Напомним, что 1810-е — 1840-е гг. были временем становления стратиграфического метода в геологии, позволявшего установить последовательность осадочных отложений — геологических слоев. Установление этой последовательности было тесно связано с составлением геологических карт: сущность стратиграфического метода состоит именно в построении трехмерных моделей строения земной коры, а реконструкция

---

¹⁶ [De Caumont A.] Lettre sur les cartes agronomiques et sur l'influence exercée par la nature du sol sur les productions agricoles par M. de Caumont // Annuaire de cinq départements de l'ancienne Normandie, publié par l'Association Normande. 1845 – Onzième année. Caen : Imprimerie de H. Le Roy, 1844. P. 169–184. См. также: Gasparin A. de. Cours d'agriculture. 3me éd. T. 1. Paris: Imprimerie de Duverger, 1850. P. 208. «Курс сельского хозяйства» А. Гаспарена пользовался колоссальной популярностью в МГИ в 1840-е гг. Мы работали с третьим изданием этого сочинения, но I том 1-го издания вышел в свет как раз в 1843 г. и, соответственно, мог быть доступен руководству МГИ, когда принималось решение о составлении «Хозяйственно-статистического атласа Европейской России».

последовательности геологических слоев в то время была возможна лишь путем изучения выходов пород на поверхность земли. Таким образом, этот период в Европе и Северной Америке был также и эпохой составления первых геологических карт отдельных регионов, а затем и целых государств — эпохой, начало которой положили карта окрестностей Парижа Ж. Кювье и А. Броньяра (1811) и карта Великобритании У. Смита (1815)¹⁷.

Эти карты были именно геологическими картами — они отражали пространственное расположение горных пород, а не поверхностного плодородного слоя — собственно почв. В самом начале XIX в. основоположник агрономического образования в Европе Д. А. Тэер, развивая свои идеи о составе и свойствах почв, высказал одновременно и мысль о необходимости составления почвенных карт¹⁸. Эта идея, впрочем, не получила тогда практического воплощения, а в последующие десятилетия бурное развитие органической химии, и особенно исследования Ю. Либиха 1840-х гг., посвященные питанию растений и минеральным микроэлементам в составе почвы, выдвинули на первый план именно вопросы химии почв¹⁹. Иными словами, в познании почв возобладало направление, не связанное с вопросом о пространственном распределении почв по земной поверхности. Однако следует помнить, что сами почвы в тот период еще считались простым результатом выветривания горных пород, хотя различие между почвой и подпочвой, безусловно, хорошо осознавалось многими геологами. Поэтому вполне закономерно, что замысел дополнить геологические карты составлением собственно почвенных карт возник во Франции

---

¹⁷ См. подробнее: *Savatou P.* The first detailed geological maps of France: contribution of local scientists and mining engineers // *Earth Sciences History*. 2007. Vol. 26. N. 1. P. 55–73; *Greene M.T.* *Geology* // *The Cambridge History of Science*. Vol. 6. The modern biological and earth sciences / Ed. by P.J. Bowler, J.V. Pickstone. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2009. P. 167–184.

¹⁸ *Feller C., Blanchart E., Yaalon D.H.* Some major scientists (Palissy, Buffon, Thaer, Darwin and Muller) have described soil profiles and developed soil survey techniques before 1883 // *Footprints in the soil: people and ideas in soil history* / Ed. by B.P. Warkentin. Amsterdam; Oxford: Elsevir, 2006. P. 83–106. См. особенно с. 93–96.

¹⁹ *Boulaine J.* Étapes et progrès de la science du sol // *Annales de Géographie*. 1985. T. 94. N. 525. P. 513–533. См. особенно с. 518–520. О восприятии работ Тэера и Либиха в России см.: *Елина О.Ю.* От царских садов до советских полей. История сельскохозяйственных опытных учреждений XVIII – 20-е гг. XX в. В 2 т. М. [б. и.], 2008.